

Андрей Бугорин

[УПАВШИЕ В ЗОНУ]
ВЫНУЖДЕННАЯ
ПОСАДКА

Андрей Русланович Буторин
Упавшие в Зону. Вынужденная посадка
Серия «Апокалипсис-СТ»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9747500

Упавшие в Зону. Вынужденная посадка: АСТ; М.; 2015

ISBN 978-5-17-089190-0

Аннотация

Космический разведчик Егор Плужников по прозвищу Плюх не мог и предположить, что, возвращаясь из очередного полета, окажется атакованным неведомой силой и в спасательной шлюпке совершит вынужденную посадку не на мирной, цветущей Земле XXII века, а под багровым «куполom» таинственной Зоны, представляющей собой невероятный «коктейль» из кусков параллельных миров, усеянных смертоносными аномалиями и населенными как злобными монстрами, так и называющими себя сталкерами людьми, главный принцип которых: каждый сам за себя.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Русланович Буторин

Упавшие в Зону. Вынужденная посадка

© А.Р. Буторин, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Там и звуки и краски – не те,
Только мне выбирать не приходится —
Видно, нужен я там, в темноте, —
Ничего, распогодится!

В.С. Высоцкий

Пролог

Продираясь сквозь заросли приставучего, с липкими ветками-щупальцами орешника, Шершень еще сомневался: не напрасно ли он драпанул? То, что Бизон пошел трюндеть «за справедливость» с «контактерами», еще не значит, что те станут попусту чесать языками – трепаться с пришедшим без хабара сталкером не в их правилах. А уж выслушивать в свой адрес обвинения в нечестности!.. Тут разговор и вовсе может закончиться, не начавшись, – красноречивой безо всяких слов пулей в лоб. Если бы не Бизон, остальные не стали бы такой хай подымать; что дали – на том и спасибо. А тот разорался: «За такие артефакты всего по сотне патронов и по банке тушенки на рыло?! Да этот хабар вдвое больше стоил!» Счетовод хренов. Не вдвое, а всего-то... всего пять сотен «латунчиков» и пять жестянок говядины на четверых. Кто виноват, что пять на четыре не делится? Ну подумаешь, сделал себе на черный день небольшой энзэ! Кто-нибудь умер от этого?..

Нет, зря он все же дернул со стоянки, так-на. Бизон все равно вернется ни с чем, а его, Шершня, схрон попробуй еще найди! Без явных доказательств никто бы на него не попер. Может, вернуться? Ну, отошел в кустики по нужде... А то ведь и рюкзак с едой и патронами пришлось оставить, как он теперь без него? Ладно хоть горсть «латунчиков» для «Печенги» успел в карман сыпануть. Ну и сколько-то в ее магазине осталось... Но надолго ли этого хватит? Да и жрать скоро захочется, а еще скорее – пить. Нет, надо возвращаться. Сделать морду кирпичом: «Я не я, и лошадь не моя!»

Однако стоило Шершню об этом подумать, как на запястье пискнул коммуникатор. Высветившееся на дисплее сообщение было лаконичным и весьма недвусмысленным: «Назад, сученьш! Убьем небожно». Гадство! Неужто «контактеры» снизошли до ответа Бизону? Или тот наткнулся на схрон?.. Как бы то ни было, теперь нечего и думать о том, чтобы вернуться. Больно, не больно, а убьют – это точно. Можно не сомневаться, так-на. Что Робин, что Толстый – оба еще спорить начнут, кто его изящней пристрелит. А Бизон, тот и спорить не станет, и пулю пожалеет – просто возьмет да придушит. Без изысков.

И Шершень не стал останавливаться. Напротив, прибавил ходу. Гибкие ветки орешника тянулись к нему, прилипали к одежде, оставляя на ней оранжевые шарики, но сталкер не обращал на это внимания, лишь прикрывал ладонью глаза от особо настырных щупалец – иначе веки склеятся, не сразу отмоешь.

Миновав липучие заросли, весь, как новогодняя елка, в ярких орехах, Шершень припустил что есть мочи. Бежать по пологому, ровному склону было легко, и этим непременно следовало воспользоваться, чтобы убраться как можно дальше. А уж если за ним погонятся бывшие подельники, то здесь он станет для них превосходной мишенью. Да какое там «если»! Наверняка уже погнались, вряд ли сидят и ждут, что он, склонив повинную голову, самолично явится на казнь. Поэтому нужно быстрее добраться вон до той россыпи каменных валунов, а потом, петляя меж ними, мчаться к темнеющему в паре километров лесу. Нормальному земному лесу, без прыгающих деревьев и настырных липучих кустов. А там уже, если повезет не нарваться на стаю каких-нибудь хищников и не вляпаться в смертоносную аномалию, он сумеет укрыться от преследователей.

До камней оставалось совсем немного, когда над головой просвистела первая пуля, а через пару секунд хлопнул звук выстрела. Свистнула, уже совсем рядом с ухом, вторая. Стрелял наверняка Бизон – одиночными, экономя патроны. Робин с Толстым не настолько щепетильные, могут полоснуть и очередью. Шершень не стерпел и оглянулся. От яркосиней полосы орешника мчались вниз по склону две фигуры: приземистая, коренастая – Бизон и худая, высокая – Робин. Толстого, видимо, оставили караулить припасы. Сейчас бы и Шершню ничего не стоило снять этих двоих парой метких выстрелов, стрелять он умел

неплохо, а уж очередь – как делать нечего. Однако сталкер подавил в себе это желание, и дело было вовсе не в его человеколюбии – чем-чем, а уж этим Шершень никогда не страдал, – просто хорошо понимал: подстрели он кого из бывших друзей – остальные его найдут и прикончат обязательно. Пришей обоим – останется Толстый. А тот цепкий, зараза, ни за что от него не отстанет, рано или поздно разыщет, так-на. Будь они здесь все трое – можно было бы рискнуть. В данной же ситуации риск совершенно бессмыслен и неоправдан. Чуйка подсказывала: пока еще оставался небольшой шанс, что его в конце концов оставят в покое. При случае, конечно, все припомнят, а специально тратить время и силы на его поимку, возможно, не станут. Но это если он останется в живых сейчас, когда в поделниках еще кипит злость от недавнего обмана, и они во что бы то ни стало хотят наказать обидчика.

Третья пуля чиркнула по рукаву куртки. Положение становилось серьезнее некуда, четвертый выстрел мог оказаться для Шершня роковым. В пять длинных прыжков он достиг ближайшего валуна – высоченного, под три метра обломка скалы – и буквально нырнул за него. Нырнул, да так и остался висеть в воздухе. А потом Шершня завертело, словно щепку в водовороте. В глазах потемнело от перегрузки, к горлу подкатила тошнота. «Вот и все, – мелькнуло в затуманившемся мозгу, – это «перепутка», она быстро не отпустит».

Аномалия «перепутка» не убивала и даже не всегда калечила – разве что выброшенный из нее человек неудачно приземлялся, но тут уж как повезет. Зато она выматывала свою жертву до полного изнеможения, то полностью убирая гравитацию, то часто и произвольно меняя вектор силы тяжести и величину этой силы. Продолжалась подобная карусель, как правило, не менее получаса, так что исход Шершня практически был предрешен – за это время Бизон с Робинсом не спеша доберутся до аномалии, полюбуются, если захотят, на «акробатическое выступление» бывшего поделника, а потом, изможденного, похожего на выжатую тряпку, хладнокровно зарежут, поскольку глупо тратить патрон на груду ни на что не способного хлама.

И все же Шершень, которому довелось пару лет назад насладиться предоставляемым «перепуткой» аттракционом, почувствовал, что на сей раз его мотает не в полную силу – тогда он и вовсе соображать не мог, вырубился почти сразу. Это могло значить только одно: он зацепил лишь край аномалии. Сталкер собрался, изо всех сил стараясь не потерять сознание. Новое волевое усилие – и ему каким-то чудом удалось достать из-за спины «Печенгу». Шершень передернул затвор и сжал винтовку так, что, казалось, сейчас захрустят раздавленные фаланги пальцев. А потом дождался краткого мига невесомости и нажал на спусковой крючок.

Реактивная сила отдачи выплюнула Шершня из «перепутки», словно вишневую косточку. Он больно ударился плечом о валун и рухнул на землю. Его тут же вырвало, хотя легче от этого стало ненамного. Нужно было вставать и бежать, но голова кружилась так, что не стоило даже пытаться. Отдышаться хотя бы минут пять... Но сталкер знал, что этих минут у него нет. Поэтому он подобрал валявшуюся неподалеку «Печенгу» и пополз, забирая вправо – куда его и вышвырнуло из аномалии, чтобы снова не попасть в «перепутку». Через пару минут ему чуть-чуть полегчало, и Шершень встал на четвереньки. Поднял и бросил в левую сторону камешек; тот, пролетев метра четыре, сначала завис, а потом заметался, словно посаженная в банку муха. Сталкер преодолел на коленях с десятков метров и снова бросил налево камешек. Теперь тот пролетел и упал так, как и положено обычному камню при нормальной силе тяжести. Шершень с третьей попытки сумел подняться на ноги и, пошатываясь, побрел влево, чтобы центр «перепутки» оказался между ним и преследователями. Головокружение постепенно прошло, тошнота прекратилась, оставив после себя горький комок в горле. Теперь можно было и бежать к лесу, но по прямой, чтобы аномалия оставалась строго за спиной. При этом желательнее погромче топтать – бывшие поделники услышат, ринутся за ним и угодят прямо в ловушку, так-на.

Мимоходом сталкер отметил, что на одежде не осталось ни одного оранжевого «ореха» – все смело «перепуткой», не устоял даже прочный растительный клей. И тут позади, совсем близко, прогремел одиночный выстрел, а следом за ним очередь – видать, не выдержали нервы и у Робина. Шершень невольно пригнулся, хотя и понимал, что если услышал звук выстрела, то пули уже пролетели. Правда, не было их характерного свиста. Впрочем, сталкер быстро догадался, в чем дело: преследователи, сами того не зная, стреляли через «перепутку», поэтому пули наверняка разбросало по сторонам, как бы еще и самим стрелкам не досталось. Шершень оглянулся. Нет, Бизон и Робин были живехоньки. Вот только вновь поупражняться в стрельбе им теперь предстояло нескоро: оба бывших поделщика, отчаянно матерясь, уже кувыркались в самом центре аномалии.

Сталкер, не особо торопясь, побежал дальше. Да и зачем теперь сильно торопиться? Самое малое полчаса Бизона с Робинем «повеселит» «перепутка», еще не менее получаса они будут от этого «веселья» отходить. Ну а лес-то – вот он, совсем уже рядом. Преследователи не дураки, поймут, что получившего час форы Шершня им ловить бесполезно. Без вариантов.

До леса было действительно рукой подать, однако добежать даже до опушки сталкер не успел – его чуткий слух уловил нарастающий гул, доносившийся с неба. Шершень невольно поднял голову. Клубящиеся темными разводами багровые небеса перечеркнула яркая, быстро растущая линия, слишком прямая для молнии и не думающая, в отличии от нее, гаснуть.

«Так-на... Что за хренотень?» – нахмурился сталкер. Впрочем, скоро он понял, что для поиска ответа на этот вопрос у него попросту нет времени; «хренотень», на глазах увеличивающаяся в размерах, определенно была чем-то материальным, твердым, и неслась она, грохоча уже оглушительно, прямо на него.

Инстинкт самосохранения заставил Шершня в несколько безумных прыжков долететь до ближайшего валуна и рухнуть за ним, вжавшись в твердую почву и прикрыв ладонями голову. Вслед за этим где-то совсем рядом грохнуло так, что загудела, вибрируя, земля под сталкером, а потом заскрежетало столь надсадно и громко, что у него заньли зубы. Дохнуло жаром, запахло горелой синтетикой и черт знает чем еще не менее вонючим.

Наступившая тишина показалась Шершню чем-то почти осязаемым, густым, хоть ножом режь. Но ее вскоре прервали новые звуки – глухие удары, как если бы кто-то долбил изнутри упавшей штуковины, а потом – снова скрежет, но куда более тихий, чем сверлящий мозги до этого. Примерно такой, что издает открываемая консервная банка.

– Давай, давай! – услышал вдруг сталкер встревоженный, на грани отчаянья голос. – Давай, Блямсик, выбирайся скорее! Держись за мою руку... Ну, еще чуть-чуть!..

Изготовив к стрельбе «Печенгу», Шершень выглянул из-за камня. Увиденная картина вогнала его в кратковременный ступор, даже челюсть отвисла. Метрах в сорока от того места, где он лежал – самое большее в пятидесяти, – полыхала упавшая с неба «хренотень». При ближайшем рассмотрении больше всего она напоминала самолет, но какой-то неправильный: слишком «мясистый», тяжеловесный на вид, хотя и очень небольшой, не больше городского автобуса или троллейбуса в длину. А еще казалось, что он словно подтаял – настолько его формы были «зализанными» и плавными, без единого острого выступа, если не принимать во внимание неровные края полученных при падении разрывов; даже короткие крылышки казались двумя нелепыми обмылками, один из которых, правда, тоже был надломлен посередине.

Но самым удивительным был не этот рухнувший из-за багровых туч, ярко пылающий и немилосердно чадающий крылатый «троллейбус». И даже не суетящийся возле покореженного распахнутого люка человек в чудном блестящем костюме с прозрачным яйцеобразным шлемом – будто в скафандре из старых фантастических фильмов. Куда удивитель-

нее и чуднее было то, что этот человек пытался вытянуть из люка. Или, скорее, кого, поскольку застрявшее в «самолете» нечто явно выглядело живым существом. Оно не только махало длинными, суставчатыми лапами, весьма похожими на человеческие руки, но еще и сквозь надсадный кашель непрерывно издавало испуганные лязгающие звуки, что-то вроде «блямс-блямс-блямс!».

Наконец, усилия человека в скафандре увенчались успехом, и кашляюще-блямкающее создание оказалось на свободе. И вот тут Шершню пришлось удивиться еще раз. Если бы не ярко-зеленый, с желтым подбрюшьем хитин существа, которое, кстати, было прямоходящим и имело рост под два метра минимум, то сталкер мог бы поклясться, что перед ним «богомол». Но не забавное насекомое в несколько сантиметров длиной, а чем-то похожий на него строением тела (разве что с двумя парами лап и без крыльев) двухметровый монстр, обитающий в Зоне – чрезвычайно злобное создание, имеющее грязно-зеленый, делающий его почти невидимым в лесном сумраке окрас, и способное мощными когтистыми лапами и длинными острыми зубами разорвать человека пополам.

Однако вдоволь поудивляться сталкеру рухнувшие с неба пришельцы не дали. Человек в скафандре схватил «псевдобогомола» за лапу и с криком: «Скорее, скорее, бежим!» – потащил его аккуратно к тому валуну, за которым прятался Шершень. Сталкер же будто снова впал в ступор и, не шевелясь, во все глаза пялился на стремительно приближающиеся к нему фигуры. Он дернулся лишь, когда на него рухнули два отнюдь не легких тела. И тут же – еще раз, уже не по своей воле, когда «самолет» рванул так, что подпрыгнул даже многотонный обломок скалы, защитивший образовавшуюся троицу от раскаленного языка пламени и летящих во все стороны осколков.

Глава 1

«Что-то рановато...» – такова была первая мысль, посетившая пробуждающееся сознание Плюха. Разумеется, объяснить это с точки зрения науки, да и вообще какой-нибудь логики не представлялось возможным: находящийся в состоянии стасиса человек не способен контролировать не только ход времени, но и что-либо вообще. Минута прошла или пять веков – по ощущениям совершенно равнозначно, поскольку ощущения как таковые отсутствуют в принципе. А сознание – ему что после обычного сна пробуждаться, что из стасиса выходить, всегда «рановато», еще бы поспало. Особенно когда будят – и неважно, будильник это или вживленный в голову чип, принявший сигнал о побудке от Информатория, как было сейчас.

И все-таки Плюх интуитивно чувствовал: что-то не так. А интуиции своей он привык доверять. Для косморазведчика эта привычка вообще очень важна, во всяком случае Плюха она выручала не раз, а дважды в самом буквальном смысле спасла жизнь. Но сейчас, когда сознание окончательно проснулось, не имело смысла заниматься гаданием – Информаторий корабля на то и существует, чтобы информировать. Поэтому Плюх, одеваясь, заодно принялся осмысливать данные, передаваемые корабельным мозгом.

Интуиция не подвела косморазведчика и на сей раз. Информаторий бесстрастно передал пространственные характеристики места, куда вынырнул из надпространства ЛКАГР-18/6, то бишь «Легкий космический аппарат глубокой разведки» за таким-то номером, носивший, впрочем, и вполне пристойное имя – «Ревда». Однако это были вовсе не те координаты, что ввел в компьютерную память Плюх, перед тем как лечь в стасис-камеру. Корабль «проявился» не только не в окрестностях Земли, как ожидалось; не только не в Солнечной системе, что допускалось из-за случившихся порой неподдающихся учету квантовых флуктуаций – так называемых квантовомеханических эффектов; он вынырнул вовсе в чужом пространстве, координат которого, разумеется, в памяти Информатория не имелось, а потому он выдавал сейчас вместо них откровенную чушь. Правда, о том, что это пространство не является «родным» для «Ревды» и Плюха, корабельный мозг напрямую, со стопроцентной достоверностью, не сообщил, поскольку теория Хью Эверетта¹ о существовании параллельных реальностей до сих пор не получила однозначного практического подтверждения. Однако теоретически к середине XXII века она была настолько обоснована, что учитывалась при совершении надпространственных гиперпрыжков, а потому имела и в памяти Информатория. Последнему не составило большого труда и времени произвести некие, понятные только ему наблюдения, вычисления и сопоставления, чтобы сделать вывод о «неоднозначности нахождения в исходной пространственно-временной реальности».

– Ёшки-блошки, – пробормотал Плюх. – И куда же это нас занесло?

Ладно, куда именно – разберемся позже, а вот почему не туда, куда нужно? Этот вопрос был не менее важен, и еще более непонятен, чем первый. Его-то и задал Информаторию более-менее пришедший в себя разведчик.

«Неидентифицируемое внешнее воздействие», – таким был ответ. Не очень, мягко говоря, информативным и уж совершенно невероятным: какое может быть внешнее воздействие в надпространстве, где по определению ничего нет, даже самого пространства как такового?

«Прошу пояснений, – отправил Плюх мысленный запрос корабельному мозгу. – Воздействие какого характера?»

---

¹ Хью Эверетт III (*англ.* Hugh Everett III, 11 ноября 1930 – 19 июля 1982) – американский физик, первым (1957 год) предложивший многомировую интерпретацию квантовой механики (*материал из Википедии. – Здесь и далее – прим. автора.*)

«Данные отсутствуют», – ответил Информаторий.

– Ладно, – почувствовав пробежавший вдоль позвоночника неприятный холодок, вслух произнес разведчик. – Что тут вообще есть?

«Конкретизируйте запрос, – отозвался корабельный мозг. – Глагол «есть» употреблен в значении «принимать пищу» или «быть»? Наречие «тут» подразумевает корабль или окружающее пространство? Какова в последнем случае интересующая сфера дальности?»

– «Тут» – значит «быть», – по-прежнему вслух и не вполне добродушно сказал Плюх. И добавил, совсем тихо, себе под нос: – Или не быть. Вот в чем вопрос... – Но тут же, предупреждая занудливые выяснения Информатория, уточнил: – Сфера дальности – пять-шесть астрономических единиц². Нет, пусть будет десять. И давай только крупные объекты. Скажем... больше тысячи кмэ в поперечнике.

«Сфера в десять астрономических единиц содержит шесть крупных объектов: центральную звезду типа желтый карлик диаметром один миллион триста девяносто тысяч километров, полностью идентичную по всем параметрам Солнцу, а также планеты, полностью идентичные Меркурию, Венере, Зем...»

– Стоп-стоп-стоп! – замахал руками Плюх. – Какое Солнце, какой, ёшки-блошки, Меркурий?!.. Ты же мне только что втирал о «неоднозначности нахождения»...

Разведчик оборвал фразу, вспомнив ее продолжение: «...в исходной пространственно-временной реальности». Не обращая внимание на бубнение Информатория о некорректности глагола «втирать» по отношению к информационно-вычислительной системе, не имеющей манипуляторов, Плюх уже понял, что в иной реальности также может иметься и Солнце, и Меркурий, и Венера, и все остальные «родные» планеты, включая Землю. Но, с другой стороны, вычислитель любой степени надежности все-таки чересчур сложная система, чтобы иметь стопроцентную гарантию работы без сбоев. А воздействие на любые системы, да и вообще на все остальное гиперпространство, настолько еще мало изучено, что бить себя пяткой в грудь, утверждая, что Информаторий не может ошибаться, – по меньшей мере глупо. Поэтому вполне можно именно это и допустить. А это значит... Это значит, что они все-таки вернулись домой. Может быть. А вдруг? Почему бы, ёшки-блошки, и нет?..

«Но даже если это не наши Земля и Солнце, – подумал косморазведчик, – было бы неразумно и даже преступно не воспользоваться случаем и не исследовать впервые в истории встретившийся мир параллельной Вселенной». К тому же было просто необходимо тщательно протестировать вычислительную систему, и делать это желательно, находясь на твердой, как говорится, почве, с полностью выключенными двигателями и прочими агрегатами корабля, поскольку, сидя на пороховой бочке, лезть скальпелем в мозги этой самой бочке – ну совсем уже как-то невесело.

«Каково расстояние до Земли? – мысленно спросил Плюх и быстро пояснил: – До этой Земли, которую ты видишь».

«Ноль целых, сорок восемь сотых астрономической единицы, что в километрах составляет...»

«Не надо в километрах», – поморщился разведчик и приказал вслух:

– Курс на Землю!

Звезды на вирт-экранах начали медленно перемещаться. Плюх подсел к одному из них и вывел в центр псевдопанели изображение цели – яркой и крупной голубой звездочки. Увеличил его на весь экран и невольно затаил дыхание. Да, это была Земля. Та, на которой он

---

² Астрономическая единица – исторически сложившаяся единица измерения расстояний в астрономии, равная среднему расстоянию от Земли до Солнца. Свет проходит это расстояние примерно за 500 секунд (8 минут 20 секунд) (*материал из Википедии*).

родился, или другая, параллельная, – но Земля, без сомнения. Желто-бурый «череп» Африки, подернутая рябью облаков синь Тихого океана, знакомые с детства очертания Евразии, белое подножие «глобуса» – Антарктида... И чем дольше смотрел на эту картину разведчик, ему все меньше и меньше верилось, что это двойник родной планеты. Поверить в сбой системы было куда проще.

Экран вдруг на миг сиренево вспыхнул, и одновременно с этим тряхнуло корабль. Вспышка могла означать лишь одно: сработало защитное поле. Непонятной была лишь причина. Что это было? Микрометеорит? Но для «Ревды» с ее «броней» это что слону дробина. Сейчас взаимодействие было с чем-то более крупным, во всяком случае более массивным, сравнимым с самим кораблем. Или же с тем, чья скорость оказалась настолько большой, что вызванной при разрушении энергии хватило на то, чтобы качнуть «Ревду».

Корабль тряхнуло еще раз. Это уже выходило за рамки обычной случайности. Плюх окинул взглядом экраны, но ничего подозрительного не заметил. Успокаиваться он, тем не менее, не стал и приказал Информаторию: «Сообщи причину воздействия».

Полученный ответ его удивил: «Энергетические сгустки большой мощности. Назвать величины?»

– В коллапс величины! – вырвалось вслух у разведчика. – Где источник?

«Источники, – поправил корабельный мозг. – Три единицы. Прямо по курсу, со смещениями три, две целых восемь десятых и две целых пять десятых градуса относительно курсовой плоскости и три целых...»

– Перестань тарыхтеть! Что это такое и как далеко они от нас?!

«Точный анализ невозможен. С вероятностью в восемьдесят девять процентов это плазмиды. Форма тороидная. Расстояние до ближайшего – три тысячи... две тысячи восемьсот... две тысячи шесть...»

– Чего?! Чего две тысячи?! – вновь почувствовав дуновение холодка вдоль позвоночника, заорал Плюх.

«Километров», – на сей раз весьма лаконично ответил мозг корабля. Не будь он всего лишь электронной системой, разведчик подумал бы, что Информаторий обиделся.

– Но это же... это!.. – подскочил Плюх, тут же, впрочем, попытавшись взять себя в руки. Получалось это плохо. – Они же нас сейчас...

«Ревду» тряхнуло еще раз, причем весьма и весьма ощутимо; косморазведчик едва удержался на ногах.

«Мощность защитного поля падает», – доложил мозг корабля.

– Насколько ее еще хватит?

«Энергия сгустков с приближением источников увеличивается. При той же скорости сближения и такой же частоте ударов защитное поле выдержит не более пяти попаданий. При увеличении частоты или скорости...»

Дослушивать Плюх не стал. Ему и так было ясно: до Земли он долететь не успеет. Непонятным оставалось лишь кто и, главное, зачем атаковал корабль? В том, что это именно целенаправленная атака, сомнений не оставалось. Мало того, разведчик уже почти не сомневался, что и досрочный выход «Ревды» из гиперпространства был спровоцирован теми же... существами?.. силами?.. Но в данный момент это было неважным. Сейчас нужно было не разгадывать шарады, а спастись. Вот только как?

«Готовь противометеоритный излучатель», – скомандовал Плюх.

«Излучатель готов», – тут же отозвался Информаторий.

«Прицел – на ближайший плазмид!»

«Энергии хватит только на один выстрел, – доложил корабельный мозг. – При этом защитное поле будет полностью обесточено».

– Ах ты ж ёшки-блошки!.. – закусил губу разведчик. – В коллапс тогда излучатель...

«Приказ не понял», – бесстрастно выдал Информаторий.

«Отмена приказа, – еле сдерживаясь, чтобы не заорать на бестолковую «железяку», пояснил Плюх и спросил: – На сколько выстрелов хватит защитного поля шлюпки?»

«На ноль целых семь десятых максимум».

Примерно такого ответа и ожидал косморазведчик. И все же он не видел другого выхода, кроме как попытаться достичь Земли на спасательной шлюпке. Во-первых, тешил он себя надеждой, она куда меньше корабля, а потому и замечена может быть не сразу, и попасть в нее труднее. Во-вторых, она куда маневреннее «Ревды». В-третьих, сидеть сложа руки и ждать неминуемой гибели – это совсем уж печально, да и не по-мужски как-то. К тому же он отвечал сейчас не только за жизнь космического разведчика третьего класса Егора Плужникова (позывной Плюх) с планеты Земля (Солнечная система), но и за жителя планеты Машечка (система Эпсилон Эридана), по имени Блямс. То, что Блямс не являлся разумным существом, не имело никакого значения, тем более что именно он, Плюх, вывез Блямса с родной планеты. Исключительно по своей прихоти и, собственно говоря, в обход существующих правил. Но ведь из любого правила может быть исключение. Как можно было оставить того, кто за полгода стал твоим настоящим другом, а в момент расставания вцепился в тебя суставчатыми лапами и «заблямкал» столь истошно и неутешно, что заложило уши и на глазах выступили постыдные для разведчика слезы? Слезами же самого Блямса вполне можно было потушить небольшой пожар, если бы такому привелось поблизости случиться.

Говоря откровенно, Плюх сильно сомневался в неразумности инопланетного друга. Ну и что из того, что тот при всех случаях издавал лишь один, похожий на лязганье, звук – «блямс» (в результате чего и получил свое имя)? Что из того, что он ничего не мог соорудить собственными «руками»? Зато он был верным и преданным. Отзывчивым и терпеливым. Добрым и славным. Веселым, потешным... Рядом с ним Плюх, скучающий по Земле, родным, друзьям и любимой Машечке (не планете, которую он же и назвал по праву первооткрывателя, а девушке с ослепительно белозубой улыбкой и спадающей на «болотного» цвета глаза темной челкой), отдыхал душой и сердцем и на какое-то время забывал о совсем бескрайнем, вселенского масштаба одиночестве. В конце концов он, Егор Плужников, не был ксенологом. Биология – та являлась в академии одной из базовых дисциплин, ксенологию же давали факультативно – с представителями внеземного разума до сих пор никому встречаться не доводилось. Так что вопрос о разумности Блямса оставался для Плюха открытым. И какой бы ответ на него ни нашелся, ничего для разведчика это бы не меняло. Дружба имеет совсем другую шкалу ценностей, и один из ее постулатов – друг познается в беде. Настало самое время применить его на практике.

Плюх поспешил ко второй из трех имеющихся на корабле стасис-камере. Всего их было три, как и кресел-ложементов, несмотря на то что экипажи космических аппаратов типа ЛКАГР всегда состояли из одного человека, да и по спецификации такие корабли проходили как одноместные – троим в них действительно было бы не развернуться. Но стасис-камеры и ложементы – не те агрегаты, на которых стоило экономить. Выйди единственная камера из строя – и разведчику никогда не вернуться на Землю, а с неисправным ложементом при аварийной посадке можно если и не погибнуть, то стать инвалидом. Вполне возможно, впрочем, что «лишние» камеры и кресла размещались на разведывательных кораблях и с какими-то еще, ведомыми лишь руководителям проекта целями. Как бы то ни было, подобная предусмотрительность сыграла на руку косморазведчику и его желто-зеленому другу.

Правда, Плюх, хоть и достаточно хорошо изучил Блямса за полгода, все-таки не без оснований сомневался, корректно ли отреагирует инопланетный организм на рассчитанную для человека стасис-камеру. Поэтому сейчас, сдвигая ее крышку, он невольно затаил дыхание. Но волновался он напрасно, инопланетный друг выпрыгнул из стасис-камеры, словно

чертик из табакерки, едва не сбив с ног косморазведчика, и заплясал вокруг него на длинных суставчатых лапах, радостно приговаривая: «Блямс, блямс, блямс-блямс!»

Плюх невольно улыбнулся, но тут же согнал с лица улыбку.

– Успокойся, – сказал он. – Я тоже рад тебя видеть, но сейчас у нас нет времени. Совсем нет. Так что, пожалуйста, делай только то, что я скажу. Понятно?

– Блямс, – дернув треугольной головой, ответил инопланетянин.

Значило ли это, что он понял сказанное? Плюх полагал, что так оно и есть, но уверен, конечно же, не был. А по огромным зеленым полукружиям фасеточных глаз определить это не представлялось возможным. Такие глаза, безусловно, имели свои преимущества – расположенные по краям треугольной головы, почти на самых ее углах, они обеспечивали превосходный обзор; Блямс, по сути, мог не поворачивая головы видеть, что происходит позади него. А вот Плюх не мог даже точно сказать, куда в настоящий момент смотрит его друг (во все стороны сразу?), и уж тем более определить его настроение, чувства и все остальное, что человек привык «читать по глазам». Так что ориентироваться приходилось на интонацию, ну и на общее поведение Блямса.

Вот и сейчас он перестал прыгать, «по-богомольи» сложил перед собой передние лапы и повторил:

– Блямс?

Теперь в сказанном определенно звучал вопрос. Плюх ответил:

– Дело дрань, дружище. На нас напали. Не спрашивай, кто – сам не знаю. В общем, нам нужно удирать. Так что я сейчас надену скафандр, и мы перейдем в шлюпку. Для тебя скафандра нет, извини; точнее, есть, но на тебя не налезет. Да и чипа у тебя в голове все равно не имеется.

– Блямс... – обескураженно выдал «богомол».

– Да ты не переживай, – успокоил его косморазведчик. – Если шлюпку собьют, то и меня скафандр не спасет.

Плюх, можно сказать, накаркал. Их сбили.

Сначала все шло даже очень неплохо. Косморазведчик с «богомолом» перешли в спасательную шлюпку и Плюх дал команду Информаторию в случае, если «Ревда» уцелеет, садиться на планету, включить, если на то хватит энергии, защитное поле и уж в любом случае аварийный маяк, питание у которого было автономным, и ждать прибытия «экипажа», никого, кроме них, к кораблю не подпуская. Затем он отстыковал шлюпку от «Ревды» и какое-то время держался в ее «тени», вне поля зрения атакующих плазмоидов. На границе атмосферы он резко нырнул в сторону и начал спуск к «земной» поверхности. Внизу как раз проплывала Россия, и расчетная посадочная траектория заканчивалась на юге Краснодарского края. В принципе, это не имело большого значения – еще в начале XXII века границы между государствами стали носить сугубо номинальный характер. И все-таки до родного Ростова-на-Дону оттуда было совсем близко, что грело душу истосковавшемуся по дому разведчику.

И тут его ждал первый неприятный сюрприз: ориентировочное место посадки будто закрывал багровый колпак диаметром примерно в сто километров. Образование выглядело хоть и странным, но определенно атмосферным явлением – там клубились, а скорее даже клокотали, словно пена в адском вареве, как багровые, так и обычные, иссиня-черные тучи, то и дело сверкали молнии... Плюх спешно стал менять траекторию – приземляться в зловещий котел у него не было никакого желания. Но как раз в этот момент его настиг и второй сюрприз: неизвестно откуда вынырнул ослепительно сияющий тороид и немедленно выпустил в сторону шлюпки яркий сиреневый сгусток. Куда-то сворачивать было уже поздно, единственное, что успел сделать разведчик, это ускорить падение. Сгусток скользнул по

сфере силового поля и разлился по ней сиреневым пламенем. Однако это не было прямым попаданием, и поле, потеряв процентов восемьдесят энергии, все-таки выдержало.

Теперь Плюх видел, что приземляться (или, скорее всего, падать) придется все же внутри багрового атмосферного колпака – с самого его края, но все же в его пределах. Однако переживать теперь следовало не об этом: тороидный плазмоид продолжал преследование.

Вход шлюпки в багровые тучи почти совпал с попаданием в нее второго сгустка, так что разведчик даже не понял, что вспыхнуло на смотровом экране: сами тучи, беснующиеся в них молнии, взрыв энергетического сгустка, агонизирующая вспышка остатков защитного поля или все это вместе. А когда перед глазами перестали плясать огненные зайчики, Плюх увидел стремительно приближающуюся поверхность планеты. Он успел лишь крикнуть Блямсу: «Держись!», как последовавший за этим удар вырубил сознание.

Глава 2

Очнулся Плюх быстро, и по ощущениям, кроме гудящей головы, никаких проблем с организмом не обнаружил. Все-таки ложементы в спасательных шлюпках делали именно с учетом того, чтобы в них спастись, то есть амортизаторы, гасители ударов и прочая техническая лабуда рассчитывалась и проектировалась так, чтобы сработать при очень больших нагрузках, когда не выдерживает и сама шлюпка. Хоть единственный раз, выйдя при этом из строя, но сработать – и спасти жизнь человеку.

«Человеку?! – рванулся Плюх, но система фиксации удержала его в накренившемся ложементе. – А машечкианскому “богомолу”?..»

Когда разведчик отстегнул часть крепежных ремней и сумел повернуться к другу, тот также выглядел невредимым и выдал уверенным тоном:

– Блямс!

– Это ты в точку, – выбрался наконец из кресла косморазведчик. – А еще можно сказать: «Плюх!» В общем, мы с тобой полностью оправдали свои прозвища. – Он перевел взгляд на третий, незадействованный ложемент: – Для полноты компании нам еще какого-нибудь Шмяка не хватает.

Разведчик невольно вспомнил, каким образом он заработал свой позывной. Произошло это, когда он еще учился в академии, во время первого самостоятельного полета на аппарате почти такого же типа, что эта вот шлюпка. Тогда он тоже замечательно плюхнулся. Правда, в тот раз причиной «плюха» был исключительно он сам, отчего именно так его и стали называть. Сначала, разумеется, с насмешливым сарказмом, а потом имя прикипело к нему намертво, с чем ему и пришлось смириться.

Между тем кабину шлюпки начало затягивать едким белым дымом. Казалось, он шел отовсюду. Услышал разведчик и треск пламени. Ни один из обзорных экранов не работал, поэтому определить, что именно горит, не представлялось возможным. С уверенностью можно было сказать лишь, что это не топливные баки, иначе ничего бы уже Плюх не видел и не слышал. Однако весьма вероятно, что это всего лишь вопрос времени – причем очень скорого.

– Ты сам-то цел? – освободив друга от системы фиксации, принялся осматривать его косморазведчик.

– Блямс, – отмахнулся тот лапой и совсем по-человечески закашлялся. Ему, в отличие от одетого в скафандр Плюха, дым начал доставлять серьезные проблемы.

– Ну, блямс так блямс, – не стал спорить разведчик, да и не до этого сейчас было. – Тогда давай выбираться отсюда.

Он помог «богомолу» подняться с ложемента и, действуя уже на ощупь, потащил его к люку. Там друзей ждала новая проблема – люк искорежило при посадке, и, даже с открытым замком, он не желал открываться. Плюх уперся в него плечом – это не помогло. Тогда он стал долбить по крышке люка ногами. Поначалу это тоже не давало результата, и разведчик почувствовал, как лоб покрывается холодным потом. Тогда он, насколько позволило тесное пространство шлюза, разбежался и изо всех сил впечатал ногу в смятую крышку. С противным скрежетом люк распахнулся.

Плюх быстро, но осторожно выбрался наружу, невольно опасаясь порвать скафандр острыми краями металла, хотя материал скафандра мог спокойно выдержать и не такие нагрузки. Первое, что увидел оказавшись вне шлюпки разведчик – вынырнувшую из-под багровых туч «Ревду». Корабль выглядел целым, но до него, навскидку, было километров восемьдесят, так что рассмотреть подробности, пока не включил систему видеоприближения, Плюх не мог. А когда включил, выдохнул с облегчением: «Ревда» не только выглядела

невредимой, ее к тому же окружало слабое свечение защитного поля – осталась, значит, для этого энергия, не стреляли, видимо, больше по кораблю плазмоиды. Увидеть приземление «Ревды» Плюху не удалось, помешала полоса росшего неподалеку леса. Но и так было понятно – все прошло штатно. А значит, они с Блямсом спасены. Вспомнив о друге, разведчик резко повернулся к люку и охнул: шлюпка пылала чадящим факелом. Баки могли рвануть в любое мгновение.

Плюх стремительно прыгнул назад, к люку, из которого валил белый дым, и запустил в проем голову.

– Давай, давай! – усилив громкость динамиков, крикнул он внутрь. – Давай, Блямсик, выбирайся скорее! Держись за мою руку... Ну, еще чуть-чуть!..

«Богомол» никак не мог вылезти наружу. Похоже, надышавшись ядовитым дымом, он полностью перестал ориентироваться в происходящем. Он лишь махал высунутыми наружу суставчатыми лапами и, давась кашлем, причитал: «Блямс-блямс-блямс! Кха-кха!.. Блямс-блямс!.. Кха-кха-кха!..»

Наконец Плюху удалось подхватить друга поудобней, и он вытянул его из обреченной шлюпки. Но шестым, седьмым или еще каким восемнадцатым чувством он сознавал: аварийное судно вот-вот рванет, и отбежать на безопасное расстояние они не успеют.

Разведчик метнул вокруг взглядом и увидел в полусотне метров от себя большой каменный валун, который вполне мог бы закрыть их с Блямсом от взрыва. Он схватил «богомол» за лапу и заорал:

– Скорее, скорее, бежим!

Блямс, похоже, впал в полный ступор – перестал даже «блямкать», только кашлял. Тогда Плюх попросту потащил его за собой, не обращая внимания, переставляет ли тот ноги. А очутившись возле камня, схватил друга в охапку и, швырнув его за укрытие, рыбкой нырнул следом. Не успел приземлиться, как рвануло так, что подпрыгнула даже каменная громадина. Косморазведчик увидел, как в считанных сантиметрах от поверхности шлема валун лизнул раскаленный язык пламени, и услышал, как рядом засвистели осколки.

Плюх невольно вжался в землю. А точнее – во что-то мягкое и, как ему показалось, шевельнувшееся под ним. Или не показалось? Убедившись, что больше не слышно свиста разлетающихся осколков, разведчик приподнял голову и посмотрел вниз. Под ним лежал ничком человек в грубой пятнистой куртке с надетым на голову капюшоном.

– Простите, – пробормотал Плюх, слезая с человека, а заодно дернул за лапу и Блямса, который также использовал часть чужака в качестве матраца.

– Простите великодушно, – вновь сказал разведчик и наклонился над лежавшим. – С вами все в порядке? Мы не сильно вас придавили?

Человек шевельнулся, приподнял голову и стрельнул из-под капюшона подозрительным взглядом. Насколько Плюх смог разглядеть подробности, это был мужчина возрастом лет под сорок. Если сбрить со щек черную щетину, то, возможно, и моложе.

– Кто такой? – угрюмо буркнул мужчина.

– Я-то? – переспросил косморазведчик.

– Ты-то, так-на. И кузнечик-переросток – тоже. Он, часом, не из местных «богомолов»? Дай-ка я его шлепну от греха. Без изысков.

Мужчина поднялся и направил на Блямса некое древнее оружие; что-то подобное Плюх видел в исторических арт-компиляциях.

– Стоп! – отвел разведчик ствол рукой. – Блямс не опасен. Не надо его шлепать. Тем более этой древностью, она ведь небось и выстрелить может нечаянно.

– Что?.. – округлил темные, почти черные глаза мужчина. – Это «Печенга» древность? Тебя что, контузило? Да она десятого года выпуска, так-на!

– Сто десятого? – дернул бровями Плюх. – Сильно сомневаюсь... Очень сильно. Я бы сказал, что она вообще из двадцатого века. Ну, начала двадцать первого, не позже.

– Нет, тебя точно контузило, парень, – опустил все же винтовку мужчина. – А сейчас-то какой, по-твоему?

– По-моему? Почему по-моему? Сейчас по-всякому середина двадцать второго. Две тысячи сто шестьдесят второй год.

– Та-а-аак... – сняв капюшон, почесал в затылке незнакомец. И пробормотал: – А говорят, Зона после эксперимента не меняется...

– Что, простите, не меняется? – спросил косморазведчик. – Кстати, вы не могли бы объяснить, что это за странная местность, странное небо и вообще... это ведь Земля?

– Много вопросов, парень, – помотал головой мужчина. – Очень много. А мне ты даже на один не ответил.

– В смысле, кто я такой?

– Да, кто ты такой, так-на. И на чем это ты сюда грохнулся? И откуда? Что-то я не слышал, чтобы в Зоне такие хреновины болтались. Ученые, что ли, снабдили?

– У вас тоже много вопросов, – дружелюбно улыбнулся Плюх. – Но я отвечу. Во всяком случае, на те, которые понял. Только, может, сначала познакомимся? Меня вот Егором зовут... Точнее, Егор – это мое имя. Зовут-то, как правило, Плюхом. Родом я из Ростова-на-Дону, последнее время занимаюсь космической разведкой. А вас мне как называть?

– Шершень я, – буркнул мужчина. – Сталкер. А вот ты мне спагетти на уши не вешай. Разведкой он занимается. Космической!.. Отвечай, о чем спрашиваю, так-на. И не шлифуй мне мозги. А то ведь вот, – потряс он своей «Печенгой», – этой самой «древностью» шуточки твои дурацкие из мозгов-то выбью. Вместе с мозгами. Без изысков.

– А вот угрожать мне не стоит, – нахмурился Плюх. – По-моему, я не давал для этого повода.

Ему очень хотелось достать притороченный к бедру бластер и показать новому знакомому, что у него есть чем ответить на любую угрозу, но начинать знакомство с демонстрации силы казалось не очень правильным. И, как ни высокопарно это звучало, недостойным для косморазведчика. Да и вообще, не может ведь быть, чтобы этот Шершень собрался на самом деле в него стрелять! Поэтому он все же решил не обострять отношений. Насколько это будет возможным, естественно. К тому же, получить информацию ему тоже хотелось, а Шершень пока являлся единственным для этого источником. И Плюх, миролюбиво улыбнувшись, продолжил:

– Да и вообще, к чему нам ссориться? Я расскажу все, что вы хотите, но и вас попрошу оказать мне любезность и поделиться информацией. Идет?

– Едет, – проворчал Шершень, но оружие опустил. – Давай, говори. И сними ты эту банку с головы, раздражает.

– Ах, да, – спохватился разведчик. Анализаторы уже проделали нужную работу и передали полученные сведения в его мозговой чип. Воздух был вполне пригоден для дыхания, хотя несколько отличался по содержанию микроорганизмов от «среднеземного». Плюх отдал мысленную команду на свертывание шлема, и тот, раскрывшись, опал и свернулся в некое подобие прозрачного воротника. – Вот, пожалуйста. Я готов к разговору. Повторите, если вас не затруднит, ваши вопросы. Только не все сразу. Начните с первоочередных.

– Ты завязывай с этими своими закорючками: «пожалуйста», «если вас не затруднит»!.. Мы в Зоне, а не где там еще, – покрутил ладонью Шершень. – И «выкаты» мне заканчивай, так-на. Раздражает.

– Ну-у... – смутился Плюх, – мне же всего двадцать пять, а вам-то уже...

– Мне двадцать девять! – злобно гавкнул новый знакомый. – Но здесь, в Зоне, никто возраст не считает! Здесь кто сильнее, тот и старше. Без изысков. Ну а слабым никто сам

себя признать не захочет, так что все здесь друг с другом на «ты», понял? Еще раз «выкнешь» – пойдешь искать свою информацию лесом... – Тут Шершень вдруг запнулся, огляделся вокруг и внезапно сменил тон: – Да, слушай-ка, давай и впрямь к лесу перекантуемся, а то нехорошее здесь место, так-на.

– Почему нехорошее? – удивился Плюх.

– Долго объяснять. Почапали скорей, недалеко тут, вон он, лес-то.

– Ну, если вы... ты считаешь это действительно необходимым...

– Я же сказал: без закорюк! – рыкнул Шершень.

– Уж как умею, – не удержался косморазведчик. – Прошу потерпеть. «Выкаты» больше не буду, а все остальное...

– А!.. – махнул рукой тот, кто назвал себя смутно знакомым словом «сталкер». – Говори, как хочешь. Только мозги мне не пудри, так-на. И кузнечика своего рядом с собой держи, а то если прыгнет ко мне – бошку ему продырявлю, так и знай.

Лес и в самом деле был неподалеку, поэтому добрались до него быстро. Плюх старался не отставать от Шершня. Блямса он держал за лапу – не хотелось проверять сказанное сталкером. Конечно, инопланетный друг вряд ли стал бы прыгать к их новому знакомому, но все же... Лучше поостеречься, чем потом сожалеть.

Пока шли, косморазведчик оглядывался по сторонам, пытаясь понять, на Землю они попали, или на ее точную копию. Если бы не багровые, клубящиеся тучами и брызжущие молниями небеса, ничего отличающегося от родной планеты в этом мире не было. Правда, и сам пейзаж разнообразием не баловал – каменистая равнина, да приближающийся смешанный лес. Но даже это неприглядное небо... Плюх ведь хорошо помнил, как оно выглядело сверху – будто круглый колпак диаметром около сотни километров. То есть это являлось лишь локальной аномалией, непонятной, но все же именно локальной, а не окружающей всю планету. Причем наверняка временной. И что там буркнул себе под нос Шершень насчет какого-то эксперимента? Может, и впрямь это всего лишь ученые пошалили, геодезисты-атмосферники. Местность-то здесь, похоже, не особо населенная, вот они и... Тут разведчик вспомнил, что местом посадки шлюпки был Краснодарский край, причем – его южная часть. А ее трудно назвать безлюдной – сплошные курорты. Кстати, где они? И... – вот тут Плюху стало и вовсе не по себе, – где Черное море?!.. Что же это за эксперимент такой? Внепространственное перемещение части планеты?.. Да ну, до такого ученые еще вроде бы не дошли. Да и опасно такими вещами заниматься там, где люди живут. Никто бы такого не позволил. Но что тогда? Все же параллельная Земля, где подобные опыты в порядке вещей?.. С трудом верится, но... В любом случае, гаданием это не выяснить – нужно все узнавать у Шершня.

С такими мыслями Плюх и ступил под кроны деревьев. И сразу увидел гриб. Большой такой гриб, с блестящей коричневой шляпкой. Вот только ножек у него почему-то было три. Мутация, что ли? Последствия того самого эксперимента?.. Косморазведчик еще раз просканировал датчики. Нет, не было тут никаких превышающих допуски излучений, никаких опасных примесей в воздухе. Может, в почве имелись? Или то был лишь случайный сбой в грибном ДНК?..

Плюх с размаху пнул гриб-мутант. Трехногий уродец подлетел метра на два, а вот потом повел себя совершенно неожиданно. Вместо того, чтобы упасть, он остался висеть в воздухе. И не просто висеть: раскинув параллельно шляпке все три свои ножки, он начал, ускоряясь, вращаться вокруг собственной оси.

Шершень, выкрикнув неприличное старинное ругательство, отпрыгнул в сторону и вжался в землю за поросшим мохом пнем. Блямс испуганно взвизгнул и, сложившись, как перочинный ножик, спрятался за спину Плюха. Сделали это спутники косморазведчика

весьма своевременно, потому что гриб, продолжая бешеное вращение, выпустил из обрубков ножек струи густой бледно-зеленой жидкости. Продолжалось это на удивление долго, не менее десяти секунд. Вокруг «плюющегося» воздушного волчка выросло кольцо зеленоватых «сугробов» – откуда и взялось столько гадости в несоразмерном по величине грибе? Но все же он наконец иссяк, сжался, прекратил вращение и шмякнулся на землю сморщенной бурой тряпочкой.

Вряд ли Плюх смог бы все это рассмотреть, если бы не мгновенно отреагировавшие на опасность датчики, мигом активировавшие шлем, который успел защитить лицо разведчика до того, как густая бледно-зеленая жижа облепила его с головы до ног. Материал шлема и самого скафандра не позволял задерживаться на его поверхности любому веществу, поэтому «грибная каша» тут же стекала, образовав в итоге под ногами Плюха весьма неаппетитную, маслянисто поблескивающую кучку высотой с полметра. Когда все закончилось, косморазведчик попытался выдернуть из нее ноги, но получилось у него это далеко не с первого раза – «каша» на глазах густела, а к тому моменту, как Плюх все же освободился из вязкого плена, стала и вовсе почти твердой, напоминая по структуре плотную губку.

– Ты что, совсем рехнулся?! – выскочил из-за залитого «кашей» пня Шершень, на ходу отдирая от куртки куски зеленоватой «губки». – Или ты сразу без мозгов родился, так-на?

– Я же не знал, – виновато развел руками разведчик.

– Не знал?! – запрыгал возле него размахивающий руками сталкер. – Ты в первый раз увидел гриб-плевун?!

– Да, в первый, – начал сердиться Плюх. – Ты же сам видел, что мы прибыли сюда полчаса назад.

Тут он вспомнил о Блямсе, обернулся и увидел, что друг жив-здоров и почти не испачкался. Правда, окрас его хитиновой оболочки из яркого желто-зеленого стал таким же бледно-зеленым, что и выросшие вокруг «сугробы». Он даже не «блямкал», только мелко подрагивал.

– Успокойся, Блямсик, – похлопал его по плечу разведчик. – Все уже позади.

– Позади!.. – буркнул Шершень. – Это ему повезло, что он позади тебя оказался, иначе превращался бы сейчас в грибной супчик. Без изысков.

– Это как? – не понял Плюх.

– А так, что эта хрень из того, кого «заплюет», делает питательный бульон для своих, холеру им в крапинку, спор. Чтобы новые грибочки выросли, так-на.

– Я не знал, – убрав шлем, снова выдавил косморазведчик. – Я здесь впервые. И буду тебе очень признателен, если ты расскажешь, куда мы попали и чего нам следует опасаться впредь.

– Да уж я и сам теперь вижу, что в Зоне ты до этого не был. Только никак не могу дотумкать, как же ты здесь оказался... В Зону никто и ничто снаружи не может попасть. Как и выйти из нее – тоже. Ну, кроме ученых, но там особый случай...

– Ученые? – встрепенулся Плюх. – Ты говорил об эксперименте... Это все его последствия?

– Давай сначала уберемся подальше от этой гадости, – передернул плечами сталкер. – Тошнит от нее, так-на. А пока идем, ты сам, давай, рассказывай сначала.

– Но ведь я и так тебе уже почти все рассказал, – снова взяв все еще дрожащего Блямса за лапу, зашагал рядом с Шершнем разведчик. Теперь он смотрел вокруг и под ноги куда более внимательно, чем до этого. – Я возвращался домой, на Землю. Но корабль вынырнул из надпространства не там, где был должен... Или там, но показания сбились... Разобраться в происходящем я не успел – нас атаковали какие-то плазмоиды. Что это было такое, почему, зачем – не имею ни малейшего понятия. Нам с Блямсом пришлось спастись на шлюпке. Мы уже вошли в атмосферу, когда в нас все же попали. Результат ты видел. Вот и весь рассказ.

Теперь ты расскажи, куда мы все-таки попали? Земля это или не Земля? Точнее, наша ли это Земля?.. Хотя откуда ты знаешь... Ну, что это за Зона такая, что за эксперимент? И вообще...

– Давай-ка присядем, – указал на поваленное дерево Шершень.

После того как разведчик со сталкером опустили на выбеленный временем сосновый ствол (Блямс, сложив коленями назад суставчатые лапы, сел рядом в мягкий мох), Шершень, прищурился одним глазом, спросил:

– Не дотумкаю я все-таки, откуда ты там вынырнул, из какого пространства? Корабль – он же не в пространстве, он по воде плавает. Ходит, то есть, как моряки говорят.

– Так космический же корабль! – удивленно заморгал Плюх. – А надпространство – это... Это очень долго объяснять, если ты не знаком с единой теорией поля, квантовой механикой и постулатами Кудряшовой-Макусинского... Для простоты, это такое пространство, где никакого пространства нет вообще, но откуда открыт доступ к любой его области. Ну, почти к любой.

– Ты меня что, за идиота держишь, так-на?!.. – зарычал Шершень. – Пространство, не пространство... Ты мне этим своим пространством-засранством мозги не конопать! И говори прямо: что это за корабль такой – космический? Космос – это же там, за небом? – махнул рукой сталкер в сторону туч.

– Да, можно сказать и так, за небом, – кивнул Плюх. – Но ты же не мог не слышать о космических кораблях... Пусть даже твоя Земля... эта Земля... параллельная. У вас же кто-нибудь летал уже в космос? Хотя бы беспилотные аппараты?..

– Беспилотные?.. – поскреб щетину сталкер. – Ну, были вроде такие... Что-то в школе рассказывали, так-на... Вокруг Земли, вокруг Луны... А чтобы корабли, да с людьми еще... Хотя, стой-ка!.. А ведь было что-то... Давно, правда, я еще не родился. В пятидесятых еще... или шестидесятых... Вроде как наши тогда с Англией соревновались – кто быстрее туда, в космос твой, человека зафитюлит... Ну и что-то там... Собачек зафитюлили – они взорвались. Еще раз – то же самое. Англичане – те на кошках тренировались. Тоже угробили сколько-то там кисок. Тогда у нас один герой нашелся... как там его... улица еще в Москве есть такая... Ага, улица космолета Терешкова. Точно! Терешков его фамилия. Имени не помню, так-на. Короче, вызвался сам – полечу, мол, я не собачка, я сдюжу. Сдюжил, ага. Тоже взорвался. Без изысков. А следом и англичанин пыхнул. И все – на космосе этом крест поставили.

– Постой, как это крест?.. Какие англичане? А как же Гагарин? И не Терешков, а Терешкова, Валентина. И не взорвалась она... Да и потом еще многие, в тех же шестидесятых. А еще – американцы. Джон Гленн, другие-прочие, Нейл Армстронг, в конце-то концов?.. Ты что, даже этого не знаешь?

– Американцы?.. – захихикал вдруг Шершень. – Ты еще скажи: китайцы. Космический корабль «Великая стена». Из кирпичей.

– А чего тут смешного? У китайцев первые корабли назывались «Священная ладья», а ракеты, которые их на орбиту выводили, – «Великий поход»³.

– Ой, не могу! – согнулся от смеха сталкер. – «Великий поход»!.. Ки-ки-тайцы!.. Аме-американцы!.. Папу-папу-асы... «Вели-великое бревно»!.. – Отсмеявшись, он вытер слезы и сказал: – Ну, насмешил, спасибо! Поднял настроение, так-на. За это расскажу тебе тоже, чего там тебе интересно.

– Да мне все интересно, – продолжал с недоумением смотреть на собеседника Плюх. – Но, как мне кажется, это все-таки не моя Земля.

---

³ Шэньчжоу (*кит.* «Волшебная ладья»/«Священный челнок») – третья программа космических пилотируемых полетов КНР. Первый пилотируемый полет корабля «Шэньчжоу-5» сделал Китай в 2003 году третьей в мире страной, самостоятельно отправившей человека в космос. Космические корабли Шэньчжоу выводятся на орбиту ракетой-носителем семейства «Великий поход», разработанной специально для пилотируемых кораблей (*материал из Википедии*).

– Поди теперь пойми, чья это Земля, – стал вдруг серьезным Шершень. – Наделали делов эти яйцеголовые идиоты...

– Ученые? – встрепенулся косморазведчик. – Тот самый эксперимент? В чем он заключался?

– Да я что, разбираюсь? – отмахнулся сталкер, но все же неохотно продолжил рассказ.

Глава 3

Говорил Шершень путано и сбивчиво, употребляя вместо незнакомых понятий и терминов словечки вроде «хреновина», «заумная муть», «холера в крапинку», а чаще всего и вовсе непристойные анахронизмы. Начав с эксперимента, сталкер рассказал и о самой Зоне, ее удивительных, в основном весьма опасных свойствах и зачастую еще более опасных обитателях. Поверить всему услышанному у Плюха до конца так и не получилось, но все же из этой «лекции» он сумел уяснить главное.

По всему выходило, что ученые этой Земли в секретной лаборатории вдали от мегаполисов готовили эксперимент по выходу в параллельный мир. Эксперимент вышел из-под контроля, и множество миров «схлопнулись» в окружающей лабораторию области диаметром примерно в сто километров. Так образовалась Зона, в которой оказались изолированными как люди из «человеческих» Земель, так и существа из чуждых человеку миров. «Перемешанными» в Зоне стали также флора и фауна разных миров, зачастую совершенно чуждые и в большинстве враждебные человеку. Но кроме людей и живности с растительностью отовсюду в Зоне имелись области с иными физическими законами, а также всевозможные смертоносные (и не очень) ловушки, опасные (или, напротив, полезные, а порой нейтральные, но непонятные и необъяснимые) аномалии и артефакты.

Лаборатория, окруженная в момент проведения неудачного опыта защитным полем, стала недоступной для всех обитателей Зоны, ученые же в лабораторных скафандрах, в которых они находились в момент эксперимента, могли недалеко и ненадолго попадать как в Зону, так и во внешний мир. Поскольку немногочисленное население Зоны осталось без средств к существованию, было налажено взаимовыгодное сотрудничество: ученые доставляют из внешнего мира продукты, оружие, одежду и прочее в обмен на так называемый хабар – то есть артефакты, которые они изучают и передают во внешний мир с надеждой найти решение для восстановления status quo. Передают ученым хабар, получают от них «плату» и раздают ее сталкерам так называемые «контактеры» (отобранные именно и только для этих целей самими учеными из наиболее «вменяемых» сталкеров), имеющие в силу этого статус неприкосновенных (но, разумеется, не для монстров из «чуждых» миров, для которых «закон не писан» и которые не пользуются услугами ученых, питаясь «всем, что движется»).

В Зоне образовались кланы и группировки сталкеров, собирающих артефакты для ученых. Некоторые из кланов образованы по «землячествам» (люди из одного и того же мира), некоторые созданы спонтанно, по принципу каких-то общих взглядов и всего такого прочего. Имеются группы абсолютно чуждых (и враждебных) для людей существ или похожих во всем, но с более низким уровнем развития, овладевших, впрочем, современным оружием. Между кланами и группировками, как правило, существует вражда, но даже между дружественными все равно имеется соперничество, более или менее ярко выраженное, и вчерашние друзья завтра вполне могут стать врагами. В принципе, в Зоне идет непрерывная борьба за выживание, и все – в той или иной мере – воюют со всеми. Ученые не отдают предпочтения ни одной из группировок; для них главное получать больше информации о Зоне и непосредственно артефактов, поэтому в оружии они не отказывают никому. «Контактеры» руководствуются похожим принципом: кто дает хабар, тот и получает требуемое (за отчислением им самим соответствующей доли). Действуют в Зоне и сталкеры-одиночки (по характеру, или отвергнутые кланами), собирающиеся иногда во временные (для решения наиболее сложных задач) группы.

– Ага... – после затянувшегося молчания, переварив, насколько смог, услышанное, выдавил Плюх.

– Блямс, – «поддакнул» его инопланетный друг, который за все время сталкеровского рассказа не произнес ни одного звука и даже, кажется, не пошевелился.

Косморазведчик потряс головой, чтобы окончательно прийти в себя, и спросил то, что первым пришло в гудящую от полученной информации голову:

– Ёшки-блошки! Как же вы между собой общаетесь, если все из разных миров?

– А почти все на русском говорят, – хмыкнул сталкер. – Только мы чаще с помощью вот этого общаемся, – качнул он винтовкой, которую не выпускал из рук, – без изысков.

– На русском? – удивился было Плюх, но сам же все и объяснил: – Вероятно, во всех параллельных Землях оказалась изолированной одна и та же часть планеты. Здесь это Россия, там, скорее всего, в основном тоже, вот люди из «близких» миров и говорят по-русски... Впрочем, – вспомнил он свои недавние сомнения, – мне не очень понятно... Перед тем как нас сбили, я видел, что мы опускаемся где-то на юге Краснодарского края. Но эта местность совсем не похожа на тамошнюю. И моря нет...

– Море есть, – махнул рукой куда-то в сторону Шершень. – Кусок обрубленный... Ну а что до местности, говорю же тебе – перемешано все. Не везде, видать, этот край одинаковый, так-на. Сколько тут этих миров-хренов в кучу слеplено – сотня, тысяча? – кто знает...

– А населенные пункты? Они-то хоть есть? Или вы по лесам обитаете?

– Есть, есть твои пункты, – кивнул сталкер. – Мало, правда. Окромя хабара, за них-то и лупимся. Каждому по-людски жить хочется, так-на. Есть тут и еще... – запнулся он, подыскивая нужные слова, – такая хренотень, чем-то схожая с нашими городами и поселками... Только не наши они, совсем не наши. Такие не наши, что их лучше и не видеть – ум за разум заходит, свихнуться от одного их вида можно. Их все стараются обходить стороной, хотя, поговаривают, там-то как раз самых крутых артефактов – хоть жопой ешь. Вроде как и «звездочка» где-то там заныкана, ну да это байки – кто там бывал-то? Поговаривают, оттуда живым выйти – что миллион в лотерею выиграть.

– Из-за иных физических законов? – заинтересовался косморазведчик.

– Может, из-за них, – пожал плечами Шершень, – а может, оттого, что там одни отморозки живут. Или такая холера в крапинку, что нас, людишек, с костями лопают и не давятся.

– А что за «звездочка» такая?

– Забудь, брехня это. Сталкерские байки.

– И все-таки. Интересно же!

– Ну, – поморщился сталкер, – всякое тряндят... Кто-то свистит, что это такой артефакт, который Зону «выключить» может, только в это никто не верит. А больше сходятся на том, что «звездочка» эта любое желание может исполнить.

– Вообще любое? Но тогда, получается, что и Зону «выключить» – тоже?

– Да хрен его знает, что ты прилип? Говорю же, байки это все, так-на.

– На что она хоть похожа, «звездочка» эта? – спросил разведчик, видя, что Шершень начинает нервничать.

– А я видел?... – буркнул сталкер, но все же ответил: – Вроде как звезда восьмиконечная. Четыре больших луча синие, из сапфира; четыре малых – зеленые, изумрудные; по центру – рубин с грецкий орех. Только я так тебе скажу: если бы кто эту «звездочку» нашел, то хрен бы кому о том, какая она с виду, тряндеть стал. Этот везунчик давно бы уже миром правил, или расхреначил бы его к такой-то матери. Так что забудь, плюнь да разотри. И без сказок в Зоне проблем хватает.

Плюх снова задумался. Если дело обстояло так, как поведал новый знакомый (а чтобы придумать столь невероятную историю и весьма правдоподобно ее преподнести, нужно быть весьма талантливым сочинителем и актером, вероятность случайной встречи с которыми, да еще в таком месте и в одном лице, не очень-то велика), то эта Земля вполне могла

быть родной планетой Плюха. Да, сам Шершень, судя по всему, не отсюда, но ведь они сейчас в Зоне, а в ней, как стало известно, смешано множество разных Земель, в том числе совершенно непохожих на родную. Так что и сталкер мог попасть на эту Землю исключительно из-за вышедшего из-под контроля ученых эксперимента. Да и сами ученые, для которых как раз эта Земля родная, не могут быть из того мира, откуда прибыл Шершень – у них совсем не тот уровень решаемых задач, что был в начале двадцать первого века. Эти задачи как раз из того же разряда, что и пресловутая теория Хью Эверетта, о которой он вспоминал совсем недавно. Впрочем, в коллапс гадания! Нужно просто пойти и проверить.

– Где здесь кончается Зона? – спросил разведчик у сталкера. – Перед падением я видел, что мы вошли в атмосферу возле самой границы багрового «колпака».

– А тебе зачем? – удивленно посмотрел на него Шершень.

– Я хочу выйти из нее, чтобы узнать, не моя ли это Земля.

– А как ты выйдешь? Я ж говорил тебе, что хрен кто отсюда выйдет, кроме ученых. Да и те ненадолго.

– Но ты говорил, что и войти сюда тоже нельзя.

– Говорил, так-на. И что?

– А то, что мы-то ведь зашли. Ну, залетели то есть. А поскольку смогли зайти, то почему не можем выйти?

– Попробуй, проверь, – усмехнулся сталкер. – Я не держу. Край Зоны близко.

– А где именно? Что-то моя система ориентации дает здесь противоречивые результаты... Наверное, помехи от «колпака».

– Да вон там, – ткнул Шершень пальцем в глубь леса. – Думаю, и полукилометра не будет.

– Тогда я пошел, – поднялся Плюх и, услышав испуганное «блямканье» друга, поправился: – Мы пошли. Если выйдем, и если это окажется моя Земля, то мы уже не вернемся. Так что на всякий случай прощай и спасибо за все.

– Вернетесь, – вновь ухмыльнулся сталкер. – Куда вы денетесь, так-на. Если в аномалию не ступите и не сожрет вас никто.

– Посмотрим, – упрямо мотнул головой косморазведчик. – Туда, значит?

– Ага, туда. Не заблудишься, не бойсь.

– Прощай, – зашагал вперед Плюх.

– Блямс, – не повернув треугольной головы, последовал за ним «богомол».

– Ну-ну, – зевнул и с хрустом потянулся Шершень.

Поначалу, уверенный в правоте своих доводов, разведчик шагал довольно бодро, перепрыгивая упавшие деревья, невысокие пни и вылезшие на поверхность корни. Он даже принялся напевать под нос нечто бравурное, вроде победного марша. Но вскоре уверенность начала иссякать, словно вода из дырявой емкости. Лес становился темнее и гуще, а где именно находится граница Зоны, определить не получалось. Плюх даже подумал, что мог уже и пройти ее незаметно. Но как это узнать, если лес и не думает кончаться? Хоть Шершень и сказал в виде напутствия: «Не заблудишься, не бойсь», но было очень похоже, что именно это и случилось. А еще эти шуточки сталкера насчет аномалий и того, что их с Блямсом могут сожрать... Косморазведчик невольно огляделся, поежился и спросил у друга:

– Где мы, Блямсик, как ты думаешь?

– Блямс, – ответил тот таким мрачным тоном, что переспрашивать Плюх не решился.

Друзья прошли еще немного, когда разведчику показалось, что в лесу стало светлее. Окрыленный надеждой, он прибавил шагу. Впереди между деревьями определенно появились просветы.

Плюх обернулся к «богомолу»:

– Видишь, Блямсик? Мы почти дошли, совсем чуть-чуть осталось!
Но Блямс почему-то выглядел совсем не радостным. И произнес полным разочарования голосом:

– Блямс...

– Что «блямс»? Ну что «блямс»-то?.. – не понял состояния друга Плюх. – Вон, видишь, между дере...

Впереди, шагах в пяти-шести от них, сидел и довольно лыбился Шершень.

– Нагулялись?

– Ты зачем здесь? – нахмурился косморазведчик. – Пошел за нами, чтобы позлорадствовать? Лучше бы подсказал, куда идти. Ведь граница Зоны вон там, где просвет меж деревьями?

– Я тебе уже показывал, граница там, – показал за спину Плюха сталкер.

– Твои шутки сейчас неуместны! – начал злиться разведчик.

– Когда это я шутил, так-на?

– Когда пошел за нами – уже начал.

– Я никуда не ходил, – довольно осклабившись, помотал головой Шершень. – Как сидел, так и сижу тут, на бревнышке. Без изысков.

Только сейчас Плюх заметил, что сталкер сидит на том самом выбеленном сосновом стволе, на котором недавно сидел и он сам. Ну или на очень похожем... Да нет, не на похожем – вон и кривой обломанный сучок на том же самом месте...

– Ёшки-блошки, – сплюнул в сердцах косморазведчик. – Нас же учили в академии на полевых занятиях, что во время ходьбы при отсутствии ориентиров правая нога делает чуть больший шаг, нежели левая!..

Он развернулся и побежал обратно. Блямс, недовольно «блямкнув», поскакал за ним.

– Куда вы так быстро? – раздался сзади хохот сталкера. – Продует, не простудитесь, так-на!

Теперь Плюх сознательно «придерживал» правую ногу, чтобы вновь не сделать круг. Но, как и в прошлый раз, через какое-то время он снова вернулся к поваленной сосне с восседающим на ее голом стволе Шершнем.

– Ёшки-блошки... – пробормотал косморазведчик.

– Блямс, – сказал его желто-зеленый друг таким же тоном.

– Еще пойдете? – ехидно оскалился сталкер.

– Нет, – процедил Плюх и вскинул голову: – Но почему?!..

– Я уже говорил: отсюда не выйти.

– Ты говорил, что и не зайти, а мы зашли!

– Вы залетели, так-на, а не зашли. Может, в этом все дело? – высказал предположение Шершень.

– Может быть, – пожал плечами разведчик. – А может...

– Что «может»? – взглянул сталкер на застывшего в задумчивости Плюха.

– Может, дело в защитном поле? – ответил тот. – Когда мы входили в «купол», оно еще было у нашей шлюпки. И у «Ревды» я видел его свечение...

– У какой еще «Ревды»? – насторожился Шершень.

– У нашего корабля. Он приземлился в автоматическом режиме километрах в восьмидесяти отсюда.

– Где?!.. – вскочил на ноги сталкер.

– Где-то там, – оглядевшись, махнул рукой косморазведчик. – Сейчас посмотрю пеленг...

Плюх отправил запрос на «Ревду». Ответом была тишина. Точнее – бессвязные шипение, скрежет и бульканье. Пришлось в очередной раз убедиться, что багровое атмосферное образование или... что там – сама Зона?.. гасит сигналы систем связи и навигации. Это, конечно, было неприятным фактом, но отчаиваться косморазведчик не стал: все же он довольно точно запомнил, в каком направлении садился корабль, вряд ли найти его будет очень уж трудно. Да и связь по мере приближения к «Ревде» вполне может возобновиться. Поэтому разведчик вполне спокойным тоном сказал:

– Связи нет, одни помехи. Но я помню направление, так что, если потребуется, найду «Ревду».

– Что значит «если потребуется», так-на? – изумленно заморгал сталкер. – Ты что, жить в Зоне собрался?..

– Ни в коем случае, – замотал головой Плюх. – Но сначала я должен выяснить, моя это Земля или нет. Ведь если моя, то зачем мне с нее улетать?

– Как же ты выяснишь, чудила? – фыркнул Шершень. – Не наваялся еще? – мотнул он головой в сторону лесной чащи, куда дважды ходил разведчик.

– Надо поговорить с учеными, – в упор посмотрел на сталкера Плюх. – Ты проводишь нас к ним?

– На хрена тебе ученые? – замахал руками Шершень. – Они тебя все равно наружу не выведут, они и сами-то не могут там долго находиться – выталкивает их назад, в ихнюю лабу! Без изысков.

– Мне нужно только узнать: моя это Земля или нет, – насупился косморазведчик. – А потом пойду к «Ревде». Если это моя родная планета, то я взлечу и сразу сяду, но уже в стороне от «купола». А если чужая... – Плюх совсем посмурнел и выдавил: – Тогда полечу ее искать.

– Так ты что, точно уверен, что Зона выпустит твою «Ревду»?

– Не уверен, но шанс, по-моему, достаточно большой.

– Большой, говоришь... – в задумчивости поскреб щетину сталкер.

Глава 4

Шершню было о чем подумать. Только теперь он начал понимать, какой неожиданный подарок свалился на его голову – причем, почти буквально. А ведь поначалу он воспринял появление Плюха с его нелепым «кузнечиком» как помеху – из-за них пришлось застрять в опасной близости от бывших поделщиков. Сталкер уже начал подумывать, как бы незаметно свалить. А можно и заметно – что эти «упавшие» ему сделают? В конце концов, он им в няньки не нанимался, так-на. Конечно, без него они в Зоне скорее всего пропадут, но ему-то какое до этого дело?

Так Шершень рассуждал до тех пор, пока Плюх не сказал про корабль. Корабль, способный улететь из Зоны, – это уже очень серьезно. Охренительно серьезно, если быть более точным. То, что корабль есть, сталкер почти не сомневался – вряд ли Плюх стал бы насчет него врать. Во-первых, зачем, а во-вторых, не умеет этот простак врать – у него что на уме, то и на языке. Сразу видно, что не отсюда, такие в Зоне не выживают. В общем, чуйка подсказывает, что корабль, «Ревда» эта, точняк где-то в Зоне торчит. Если его кто-нибудь уже не нашел и не захапал, так-на. Правда, Плюх что-то там балаболил насчет защитного поля, надо будет узнать у него, что это за поле, насколько хорошо оно защищает. Но главное, если Плюх верно скумекал, это-то поле как раз и сработало, как отмычка от «дверей» Зоны. И на правду это охрененно похоже. Без изысков. Вот только как узнать, в обе ли стороны эта отмычка ту самую «дверь» отпирает?.. Но пока не попробуешь – этого никак не узнаешь. Значит, надо пробовать. Потому как слинять с Зоны – это для него, Шершня, сейчас наилучший выход. Да и вообще, ну ее, эту Зону! Наигрался – тошнит уже, так-на. Лучше уж дома привычными и почти безопасными аферами заниматься. Даже если попадешься – ну, отсидишь год-другой, зато сыт, одет, с крышей над головой и за шкуру свою постоянно трястись не надо.

В общем, сталкер принял однозначное решение: надо идти к кораблю и сваливать отсюда на хрен. Хотя бы попробовать слинять. Кстати, интересно, если Зона не захочет корабль выпустить, что она с ним сделает? Развернет вниз и размажет о землю или просто взорвет, когда он достигнет границы ее «купола»? И все равно попытаться стоит. Такая смерть – чтобы сразу и без мучений – тоже не самое худшее, что может случиться. Но об этом потом, сейчас надо ту самую «Ревду» найти, так-на. Но этот «упавший» на всю голову Плюх зачем-то надумал переться к яйцеголовым! Нет, в общем-то понятно зачем, но поход к «умникам» в планы самого Шершня совсем не входил. Мало того, что это само по себе довольно опасно – ведь кроме «контактеров» ученые ни с кем не общаются, и кто знает, как они отреагируют на их появление, да и те же «контакты» могут им еще на подходах к лабе накомылять (в лучшем случае), – так есть и другая проблема: если встреча Плюха с «умниками» все же состоится, яйцеголовые захотят поизучать тот кораблик сами. А ведь захотят – как пить дать! Без изысков. Еще бы – такой артефакт. Не артефакт – холера в крапинку! Да и о возвращении на нем домой ученые уж точно подумают – ведь их-то дом как раз стопудово на этой планете. Правда, утешает то, что даже если этот «упавший» дурень каким-то образом до лабы доберется, то попасть внутрь он все равно не сможет, защитное поле помешает. Хотя... кто знает... Этот его скафандр – он почти такой же, как и у яйцеголовых, так-на. Вдруг в нем-то он и сможет зайти?.. Или сами ученые, увидев возле лабы такое чудо, выйдут узнать, кто он такой и что ему надо. А вот ему, Шершню, этого как раз и не надо.

Так что, пришел к выводу сталкер, нужно как угодно, но отговаривать Плюха от этой гнилой затеи и чапать сразу к кораблю. Конечно, он бы и сам, без этих «упавших» справился и «Ревду» нашел, только вот что дальше? Даже если защитное поле его пропустит (надо не забыть это выяснить!), что он будет делать дальше? Кроме автомобиля ему только трактор

водить доводилось, но сейчас сталкера терзали сильные сомнения, что космический корабль хоть в чем-то похож на мечту механизатора.

В общем, так-на, куда ни кинь, а Плюх был нужен. И никаких ученых, чтоб все их крысы сдохли!

– Большой, говоришь, шанс? – повторил Шершень.

– Думаю, да, – ответил Плюх.

– Защитное поле, значит?..

– Да, я полагаю, все дело в нем.

– А оно, это поле, чужого в корабль пустит? – как бы невзначай поинтересовался сталкер. Даже зевнул при этом.

– Нет, конечно. Оно ведь для того и предназначено, чтобы защищать корабль от несанкционированного проникновения. И не только, разумеется.

– Не только? А что еще? Вот от этого защитит? – сжал цевье винтовки Шершень.

– Это вообще для него не проблема. Даже энергетические сгустки плазмоедов его до конца не разрядили.

– А тебя как защитное поле признает? По прикиду? – мотнул сталкер головой на скафандр Плюха.

– Вот по этому, – постучал согнутым пальцем по лбу Плюх. – У меня в мозгу чип.

– Ни хрена себе! – ахнул Шершень. – А если сбойнет, ты умом не тронешься?

– На мои умственные способности чип не действует.

– Ладно, – решил перейти к главному сталкер. – В общем, давай так: мне как раз нужно примерно в ту сторону, где твой корабль. Так что я вас провожу. Иначе вам не добратся.

– Да чего тут добираться? – удивился косморазведчик. – Каких-то восемьдесят кэмэ всего! Раз плюнуть. К тому же, как я тебе уже сказал, мне сначала нужно к ученым. Вот если проводишь к ним, буду тебе очень признателен.

– Так... Слушать умных людей ты не желаешь... – вздохнул Шершень.

– Я желаю! Но...

– Не желаешь! Ты рассуждаешь так, будто в парк погулять вышел. А это Зона, так-на!.. Ты забыл, что я тебе рассказывал об аномалиях, мутантах, о сталкерах-конкурентах?.. Тем более, для тебя они все конкуренты, потому что ты для всех чужак. А «кузнечика» твоего вообще первый встречный прихлопнет, приняв его за здешних «богомолов», или даже просто так, на всякий случай. Без изысков.

– Блямс!.. – спрятался за спину Плюха «кузнечик».

– Теперь насчет ученых, – продолжил «воспитательную беседу» сталкер. – Ты думаешь, они тебя ждут? Ты вот опять забыл, что я тебе о них рассказывал, так-на. К ним имеют доступ только «контактеры», вспомнил? Они тебя еще на подходе к лабе перехватят и ни к каким ученым не пропустят. И хорошо, если просто по шее накостыляют да назад развернут, а то ведь и шлепнуть могут, чтобы другим неповадно было. Все-таки есть в Зоне такие законы, пусть и не на бумаге писанные, которые лучше соблюдать. Но даже если вдруг у тебя получится дойти до лабы – что ты дальше-то делать будешь? Внутри тебе не попасть, там тоже свое защитное поле. Или оно и тебя с твоим чипом пропустит?.. – Шершень спросил это с насмешливой улыбкой, но внутри у него все сжалось: а вдруг и правда пропустит?

Но косморазведчик ответил:

– Нет, конечно, не пропустит. Чип только на Информаторий «Ревды» настроен. Но ведь там, в этой лаборатории... или как ты ее называешь – лабе?.. В ней же имеются какие-то окна, иллюминаторы, обзорные камеры? Должны ведь ученые видеть, что происходит снаружи! Вот и увидят нас. Я постараюсь привлечь их внимание и сделать так, чтобы они вышли.

– А «контактеры»?! – в отчаянье вскрикнул Шершень, услышав, как подтвердил его опасения Плюх. – Не пустят они тебя к лабе! Шлепнут, как пить дать! И дружка твоего зеленого шлепнут, и меня за компанию, если я с вами попрусь...

– Ты только проводи и покажи издали, где эта лаборатория, дальше я сам. «Контактеры» ведь тоже люди, и если с ними по-человечески поговорить, неужели не поймут? Какой им резон нас убивать, мы ведь не собираемся им мешать и конкурентами быть никоим образом не можем.

– Ты наивен, как трехмесячный поросенок! – не унимался сталкер. – «Контактеры» не станут с тобой разговаривать, так-на. Ты не успеешь и слова вымолвить, как словишь зуботычину, а то и пулю. А если тебе своей шкуры не жалко, то хоть «кузнечика» пожалей – его-то уж точно шлепнут, чуйка подсказывает.

– Блямс-блямс-блямс! – раздался из-за спины Плюха вопль неподдельного отчаяния.

– Вот-вот! – закивал Шершень. – И я о том же.

– Тогда сделаем следующее, – нахмурился разведчик. – Ты нас проводишь и останешься с Блямсом в безопасном месте. А дальше я пойду один. Спасибо, что предупредил меня, теперь я буду начеку. Мне есть чем защищаться, – положил он ладонь на рукоять притороченной к бедру блестящей хреновины, которую сталкер только теперь и заметил. И не преминул со смешком поинтересоваться:

– А что это у тебя за холера в крапинку? Волшебная дудочка?

– Можно сказать и так. Эта «дудочка» называется бластер. И она умеет «дудеть» так, что на расстоянии до полусотни метров от любой органики останутся лишь головешки. До пяти – расплавится почти любой металл. Конечно, заряда аккумуляторов для такого режима надолго не хватит, но я всего лишь проведу коротенькую демонстрацию, если что. Думаю, ее вполне хватит, чтобы «контактеры» стали поговорчивее. Убивать я все равно никого не собираюсь.

Наличие у Плюха оружия, а тем более такого, стало для Шершня неприятным открытием. Чуйка подсказывала, что этот упрямый осел от своих намерений все равно не отступится. И как ему помешать, сталкер не знал. Если только... Внезапно пришедшая мысль показалась ему столь нелепой и дикой, что Шершень даже крикнул и затряс головой, словно пытаясь вытрясти оттуда безумные глупости.

– Ты чего? – удивился косморазведчик. – Не веришь мне? Хочешь, покажу?

– Не сейчас, – пробормотал сталкер. – Будет еще время, так-на... Ты пока посиди тут, у меня живот что-то прихватило, я в кустики отойду.

Ничего с животом Шершня на самом деле не случилось, просто он вдруг понял, что «дикая и нелепая мысль» – единственный выход из создавшейся ситуации. Нет, возможно, имелись и какие-то другие варианты, только их сталкер не знал.

Он на самом деле пошел к кустам, только к дальним, чтобы Плюх не смог увидеть того, что он собирался сделать. А сделал он следующее: хорошенько оглядевшись и убедившись, что косморазведчик не смотрит в его сторону, Шершень сдвинул обшлаг левого рукава куртки, освобождая запястье с коммуникатором. Затем поднес к гаджету палец и набрал в грудь воздуха, словно перед прыжком в воду...

Да, он решился на безумный, казалось, поступок. Он надумал связаться со своими бывшими подельниками. Предложить им сделку: отпущение собственных грехов за возможность убраться из Зоны. В этом трудном для него решении был риск, причем, совсем немалый. Хорошо, если пятьдесят на пятьдесят – пойдут обманутые сталкеры на компромисс или, наоборот, умножат усилия для его поиска. Причем им ничего не стоит его попросту обмануть: сначала сделать вид, что соглашаются на его условия, а потом, уже будучи «в теме», убрать его, а Плюха заставить провести их к кораблю и взять с собой в полет.

Впрочем, Шершень подумал о том, что разведчик может легко расправиться с этой сомнительной троицей. Если, конечно, его бластер действительно обладает такой убойной силой, как утверждал Плюх. Но с чего ему, собственно, врать? И, опять же, не умеет он этого. Да и убивать он, похоже, тоже не умеет – во всяком случае, не любит. Только Бизону, Толстому и Робину знать об этом совсем необязательно, так-на. Наоборот, нужно их как следует настраивать исходящей от Плюха опасностью, чтобы отбить у них желание решать с космо-разведчиком вопросы напрямую, минуя его, Шершня. Ну да, тогда все может получиться. Только вот с кем из троих лучше связаться сначала?.. Бизон слишком горяч – может сразу, еще не въехав в суть, послать его подальше и вырубить связь. После этого и с двумя другими будет наверняка бессмысленно связываться. Так что оставались Робин и Толстый. В принципе, что тот, что другой, в плане сговорчивости были, на взгляд сталкера, практически равноценными, но Робин вместе с Бизоном только что побывал в «перепутке», что вряд ли добавило ему теплых чувств к бывшему поделельнику, из-за которого и пришлось покувыркаться. Наверняка он сейчас поведет себя не лучше Бизона и тоже не захочет общаться – прервет связь еще до того, как он, Шершень, успеет сообщить суть дела. Так что оставался Толстый. Он, правда, выглядел чуток помедлительней Бизона с Робинем, как в смысле скорости реакций и движений, так и в плане соображаловки. Но зато и человечности, если уж на то пошло, в нем было чуток больше, чем у тех двоих – точнее, она у него хоть какая-то была, ну или что-то на нее похожее. Так что выслушать бывшего товарища он, по меньшей мере, должен. В смысле, дочитать до конца его сообщение, поскольку коммуникатор, к сожалению, поддерживал только такой вид связи. Но и то хлеб, так-на.

Приняв окончательное решение, сталкер набрал код Толстого. Секунд через пять на дисплее появилась фраза: «Вызов принят».

«Не отключайся! – набрал Шершень. – Есть конкретное дело».

Толстый не отключился. Правда, на дисплей коммуникатора сначала посыпались сплошные нецензурные ругательства и описания сексуальной жизни Шершня – преимущественно с представителями фауны, как земной, так и не очень. Особенно часто упоминались почему-то чайки. Наверное, Толстый вырос на берегу моря, и эти горластые создания мешали ему спать.

Однако в конце концов пыл бывшего поделельника поутих, и Толстый написал:

«Чего надо, долбаный чайкотрах?»

«Надо не только мне», – ответил Шершень.

«А кому еще, мне, что ли?»

«Всем нам. Я знаю выход из Зоны».

Какое-то время текст на дисплее оставался без изменения. Наконец, там появилось новое сообщение Толстого:

«Гонишь? За идиотов нас держишь?»

«Нет, – поспешно набрал сталкер. – Это не полный верняк, но шансов много».

«Что хочешь за это?»

«Ничего. Чтобы забыли мой грех».

«Мы не попы, чтобы грехи отпускать».

«Ты понял, о чем я. Поговори с остальными».

«Уже говорю. Тебе никто не верит. Я тоже».

«Как стемнеет, подходите к лесу, – написал Шершень, указав координаты. – Я выйду один, без оружия. Все расскажу. Если не поверите, сможете меня прикончить».

Сообщение вновь долго оставалось без ответа. Затем Толстый написал:

«Жди и молись, чайкин трахальщик».

После этого связь с той стороны отключили.

Когда Шершень вернулся к поваленной сосне, Плюх уже едва не прыгал от нетерпения.

– Ёшки-блошки! Ты чего так долго? Пойдем скорее!

– Куда? – уставился на разведчика сталкер.

– Как куда? К ученым!

– Обалдел? На ночь глядя?..

– А разве, – посмотрел вверх и развел руками Плюх, – скоро ночь?.. Небо вроде бы такое, как и было.

– Тут по небу время не угадать, – ответил Шершень. – Либо день, либо ночь, так-на. Темнеет и светает быстро. А у меня вот тут время, – постучал он по коммуникатору. – Минут через сорок темно будет, так что нам нужно шустро устроить ночлег.

– Может, все-таки пойдем? – неуверенно спросил косморазведчик. – Ты что, так сильно хочешь спать? Только время потеряем...

– Ты чаек случайно не любишь? – сердито буркнул сталкер.

– Не особо, а что? Здесь ночью много чаек? Разве они могут стать нам помехой?

– Ночью помехой становится все! Ты опять забыл, что мы в Зоне? В ней и днем-то нельзя расслабляться, а ночью только самоубийцы могут по ней гулять.

– Но мы ведь все равно будем в Зоне, хоть пойдем, хоть на месте останемся.

– Слушай, ты точно академию заканчивал, так-на? На три класса начальной школы не тянешь!.. Почти у всех здешних мутантов хорошо развито ночное зрение. Это раз. А у нас его нет. Это два. Ночью лучше слышны звуки, это три. И местные твари слышат куда лучше нас, это четыре. К тому же, к границам Зоны они почему-то близко подходить не любят, а мы сейчас как раз возле нее, то есть какая-никакая защита, а есть. Это пять. Могу еще влегкую выдать шесть, семь и восемь, но и того, что сказал, хватит. Без изысков. Или нет?

– Ну-у... – протянул Плюх, – я тоже могу видеть ночью... Но все же ты, наверное, прав. К тому же Блямсик совсем притомился.

– Вот и давай еловых лап натаскаем, да устроим что-нибудь вроде шалаша.

Шалаш соорудили как раз перед тем, как вокруг стало стремительно темнеть. В Зоне действительно почти не существовало перехода между днем и ночью – создавалось впечатление, что с помощью реостата выключали заоблачные светильники. Так было и сейчас. Впрочем, тучи сохранили слабое багровое свечение, так что полной темноты – такой, что хоть глаз выколи, – все равно не наступило. Но даже молнии стали более редкими и тусклыми, издавая уже не треск, а шипение, словно Зона жалела своих обитателей и давала им время отдохнуть.

– Забирайтесь, – кивнул на шалаш, а точнее, на грудку елового лапника Шершень.

– А ты? – удивленно глянул на него Плюх.

– А я пока буду на стреме. Мало ли что. Часика через три-четыре разбуду тебя, помоемся, так-на.

– Ну ладно, – кивнул косморазведчик и стал подзывать Блямса. Однако «кузнечик» наотрез отказался лезть под колючие еловые ветки и пристроился на мягком мху поблизости. Плюх, словно извиняясь перед сталкером, развел руками и полез в шалаш один.

Шершень, немного подождав, направился к выходу из леса. Возле крайних деревьев он остановился и пристроил возле ствола куцей корявой ели «Печенгу». Как ни жаль было расставаться с винтовкой даже на время, сталкер хорошо знал, что с бывшими – а теперь, возможно, и с будущими – подельниками лучше не шутить. Раз уж сам сказал, что будет без оружия, то нарушать обещание не стоит, себе дороже выйдет.

Но далеко от приметной ели он отходить все же не стал, в случае чего до нее можно было добраться в два-три прыжка, а затвор «Печенги» он предварительно взвел – хватай да стреляй. Однако Шершень очень надеялся, что до стрельбы дело все-таки не дойдет, не такие

уж его бывшие приятели идиоты, чтобы отказаться от его предложения, даже не проверив правдивости его слов или вовсе его не выслушав.

Ждать пришлось недолго, вскоре сталкер услышал шорох шагов. Невольно пригнувшись, он подождал, пока Бизон и компания подойдут поближе, и негромко позвал:

– Эй! Я тут.

– В нос тебе кунжут, – раздался в ответ ворчливый голос Бизона. – Чего snyкался? Боишься? Правильно делаешь.

Шершень выпрямился и расправил плечи. Перед ним на фоне тусклого багрянца туч возвышались три знакомые фигуры. Лиц при таком освещении было не разобрать, но и по одним лишь очертаниям сталкер видел, кто из них кто.

– Привет, ребята, – тихо сказал он. – Хорошо, что вы пришли.

– Ты слышишь, Бизон, как он запел? – голосом Робина хохотнул долговязый темный силуэт. – Солёна Алёна, он нам рад!

– В рот ему салат, – сплюнул Бизон. – Что, сразу его пришьем или сначала послушаем сказочку на ночь?

– Пусть расскажет, – закивал Толстый. – Перед смертью все обычно такие разговорчивые – заслушаешься.

– Говорите потише, – взмолился Шершень. – Если он проснется, нам всем хана.

– Кто там еще проснется? – заозирались, вскинув оружие, все трое. Сталкер хоть и не мог сейчас различить деталей, но и так знал, что у Бизона в руках неразлучный короткоствольный автомат «Никель», а у двух его «шестерок» такие же «Печенги», как и та, что дожидалась сейчас своего хозяина возле елки.

– Мужик, упавший с неба, – многозначительным тоном произнес Шершень.

– Что ты там несешь, падлюка? От страха последние мозги выдрисстал?!.. – навел на него ствол автомата Бизон.

– Я не шучу. Скоро сами увидите, – машинально поднял руки сталкер. – Не мужик – сама крутизна, так-на! Если он услышит выстрелы, то разбираться не станет, спалит тут все на хрен. Без изысков. У него такая привычка – сначала стрелять, а уж потом разбираться.

– Привычка!.. – хмыкнул, и не подумав убирать свой «Никель», Бизон. – В глаз тебе спичку... Привычка хорошая, надо тоже такую перенять.

Говорить, однако, он стал чуть тише. Уже хороший признак, отметил про себя Шершень. И, не дожидаясь новых вопросов и реплик, стал поспешно излагать суть дела.

Он рассказал все, ничего не скрывая. Подчеркнул и то, что «упавший с неба» желает непременно навестить ученых, от чего его следует во что бы то ни стало отговорить. Единственное, в чем сталкер отошел от истины – преувеличил силы и возможности Плюха, а добавок обрисовал его характер пугающе мрачными красками, сотворив из косморазведчика безжалостного крутого мачо, для которого убить человека – все равно что муху прихлопнуть. Сделал он это для подстраховки, чтобы подельники – теперь чуйка подсказывала, что и в самом деле снова подельники – не поперли к Плюху напрямую, отвергнув его, Шершня, в качестве посредника со всеми вытекающими последствиями.

Дотошный Бизон тут же что-то почувствовал.

– Если он такой отморозок, как ты заливаешь, – сказал он, – то чего ж он тебя не поджарил своим бластером-шмастером? Я бы вот в первую очередь это сделал на месте твоего Плюха, дерьма тебе в ухо.

– Так я же его спас! – вскричал Шершень и тут же, накрыв рот ладонью, зашептал: – Я ведь их с «кузнечиком» из горячей шлюпки вытащил, так-на!..

– Вот тут ты и прокололся, чайкотрах, – вмешался в разговор молчавший до этого Толстый. – Я бы не удивился, если бы ты кого-то в огонь подтолкнул, но чтобы вытаскивать!..

– Толстый дело говорит, – подал голос и Робин. – Ты бы и маму родную не стал из огня выручать, пальчики бы, солёна Алёна, обжечь побоялся.

– Так я же... – вспотел от волнения сталкер, понимая, что и впрямь перегнул палку. – Я же, того... Он же меня сам позвал... Сказал, что отблагодарит. Что всю жизнь потом его щедрость вспоминать буду.

– И что, отблагодарил? – презрительно фыркнул Бизон.

– Ага...

– И как же именно?

– Без особых изысков, но щедро, чего там. Он меня убивать не стал.

Троица подельников дружно заржала. Вполголоса, старательно прикрывая рты.

– Хорош, – поднял наконец руку Бизон, – в хаер вам вошь... А ты, – сверкнул он на Шершня отраженным в глазах багровым отблеском, – давай веди нас к своему Плюху.

– Может не надо? – вздрогнули разом Робин и Толстый, даже в темноте было это видно.

– Что значит «не надо»? – круто развернулся к ним «предводитель». – Вы что, из Зоны вернуться не хотите? Если этот юный друг пожарных нам не насвистел, конечно... Но проверить-то нужно, в репу вам... – замолчал он, подбирая рифму.

– ...дружно, – подсказал Шершень. И торопливо заговорил: – К Плюху вам идти не стоит. Я же говорю: он бешеный, так-на, разбираться не станет, кто вы такие и зачем его разбудили. А ко мне он уже привык. К тому же я обещал, что провожу его, Зону-то он не знает. Ну а вы просто за нами следуйте, только поодаль, на глаза не попадаясь. А когда до корабля дойдем, там что-нибудь придумаем. Свяжем его, пока он спит, разоружим...

– Прихлопнем, да и все, – добавил Робин. – Делов-то, солёна Алёна.

– А корабль ты поведешь? – поинтересовался сталкер.

Ответом ему было общее задумчивое молчание.

– Ну а сам что предлагаешь? – выдавил наконец Бизон. Чувствовалось, что ему очень не хочется просить совета у того, кого при других обстоятельствах он бы охотно сейчас отправил на свидание с праотцами.

– Я предлагаю вот что... – пристально оглядев окружающую его тьму, придвинулся к своим подельникам Шершень.

Глава 5

Плюху снились чайки. Отвратительно жирные, они, с трудом держась в воздухе, барражировали над самой поверхностью большой грязной лужи, про которую разведчик подумал: «До чего ж обмелело Черное море!..» При этом чайки почему-то испуганно верещали: «Блямс, блямс, блямс, блямс!» А одна из них, наиболее жирная и мерзкая, грузно шмякнулась оземь и, косолапо переваливаясь, зашкандыбала прямо к нему. Дошлепала и принялась орать прямо в ухо: «Просыпайся! Просыпайся! Подъем!..» Плюх огляделся в поисках камня или палки, ничего не нашел и попытался схватить вредную птицу рукой, но чайка оказалась на удивление ловкой и все попытки косморазведчика оказались безуспешными. Мало того, пернатая жирная гадина подскочила к нему и принялась долбить по плечу клювом: «Да проснись же ты! Я твой корабль видел!..»

Плюх, раскрыв глаза, стремительно подскочил. При этом он сбил большую часть еловых лап, и «шалаш» теперь действительно стал всего лишь большой грудой колючих веток.

– Что?.. – принялся протирать глаза разведчик. – Где корабль?..

Из-под лапника на коленях вылез Шершень.

– Тише ты! – зашипел он. – «Кузнечика» своего разбудишь!..

Плюх обернулся. Несмотря на едва подсвеченную багрянцем туч темноту, он сумел разглядеть лежавшего рядом с хвойной кучей, сложившего суставчатые лапы «богомолу». Тот с тихим свистом посапывал, бормоча на выдохе еле слышное «блямс, блямс, блямс».

Сталкер между тем поднялся на ноги.

– Что ты видел? – уже шепотом переспросил разведчик. – Почему ты решил, что это мой корабль?

– У него ведь прожекторы есть?

– Да, есть конечно.

– Ну вот я и видел, как из-за горизонта какой-то луч хреначил. В той стороне никаких городов-поселков нет, так ярко светить больше нечему, верняк твой корабль. Пойдем, сам посмотришь, так-на.

– Пойдем, конечно, пойдем, – воодушевился Плюх. Хоть он и видел, как спускалась «Ревда», самой посадки он наблюдать не мог, отчего в душе все-таки осталась тревога. Понятно, что если бы корабль потерпел крушение, то взрыв был бы виден и за восемьдесят километров, но мало ли...

Косморазведчик активировал шлем скафандра, задействовал функцию ночного видения и последовал за Шершнем, который и без всяких там ноктовизоров неплохо ориентировался в темноте.

Пока шли, сталкер без умолку болтал: рассказывал какие-то смешные на его взгляд истории, сам же над ними хохотал – в общем, вел себя непривычно шумно. Плюх решил, что таким образом Шершень его подбадривает. Но зачем? Ведь если корабль на месте и цел, то это само по себе уже хорошо. Вот если бы он увидел отблески взрыва или пожара... Неужели так оно и есть?!..

– Ты точно видел луч прожектора? – перебил разведчик натужно веселящегося сталкера. – Не взрыв, не пожар, а именно луч света?

– Ты чего?.. – обернулся к нему Шершень. – Какой еще взрыв? Хреновый сон, что ли, приснился?

– Просто ты ведешь себя как-то... неестественно. Вот я и подумал...

– Ты меньше думай, так-на, мозгов на дольше хватит, – фыркнул сталкер. – Сказанул тоже: взрыв!.. А веду я себя так, потому что спать хочу, вот и взбадриваю организм разго-

ворами. Да чего там, мы уже, считай, пришли, сам сейчас увидишь, что никакого пожара там нет.

Деревья вскоре закончились. Плюх стал крутить головой, осматривая линию горизонта, но никаких лучей, равно как и отблесков пламени, так и не увидел. Последнее его, конечно, успокоило, но вот насчет прожектора...

– Так где же луч? – спросил он.

– Не знаю, там был, – неопределенно махнул рукой Шершень.

– Где именно там?

– Извиняйте, я азимут не брал, – язвительно буркнул сталкер. – Увидел и побежал сразу, чтобы тебя порадовать. А ты допросы устраиваешь...

Судя по тону, Шершень обиделся, и Плюх поспешил его успокоить:

– Нет-нет, что ты! Просто мне и впрямь очень хотелось этот луч увидеть.

– Ну, давай подождем – может, еще появится. Он вообще как, всегда должен светить или время от времени включается?

– Не всегда, – помотал головой косморазведчик. – Там ведь сейчас экипажа нет. Имформаторий... в смысле, мозг корабля мог включить прожектор, если датчики засекли поблизости какое-то движение, например.

– Вот видишь! Пробежала какая-нибудь тварь, прожектор зажегся. Тварь убежала, прожектор погас. Давай подождем, так-на. Вдруг еще кто-нибудь пробежит.

– Там же Блямс один, – вспомнил о друге Плюх. – Давай ты к нему вернешься? Все равно уже, наверное, настало время моего дежурства.

Сталкер задумался.

– Не знаю... – неуверенно произнес он. – С твоим дежурством я, наверное, пургу спорол. Ты же Зону не знаешь, как ты поймешь, опасность это или нет? Просто так пальбу тоже устраивать не стоит, могут найтись любопытные, которые захотят посмотреть. Нагрянут, а тут ты. Один, так-на. И по людям стрелять постесняешься.

– По людям?..

– А почему нет? В Зоне ведь не только монстры с мутантами, тут и люди обитают, я же рассказывал! И люди эти не всегда настроены дружески. То есть, они никогда не настроены дружески к незнакомцам. Тем более к стреляющим незнакомцам. Так что...

Из леса вдруг донесся звук, напоминающий крик чайки. Он прозвучал трижды, примерно с той стороны, откуда Плюх с Шершнем только что пришли.

– Странно... – нахмурился косморазведчик. – Мне как раз снились чайки. Такие мерзкие...

– Наверное, ты во сне тоже этот крик слышал, вот и приснились, – сказал сталкер, который выглядел явно встревоженным.

– Но чайки в лесу... Разве они в лесу живут?..

– Это Зона. Здесь все бывает.

– Так может, это и не чайки вовсе? – заволновался Плюх. – Может, какой-нибудь монстр, который кричит похоже? Пошли скорее назад, что-то у меня на душе неспокойно...

– Ну, пошли, – пожал плечами Шершень. – Только ты зря волнуешься, так-на. Нет в Зоне таких монстров, которые кричат по-чаячьи.

– Сам ведь только что говорил, что в Зоне все бывает! Идем-идем, вдруг Блямс от этого крика проснулся, нас не увидит, испугается.

Опасения Плюха оказались ненапрясными, Блямса на месте ночлега не было. Косморазведчик заметался вокруг разваленного шалаша.

– Ну чего? Чего ты стоишь?! – закричал он на безмолвно замершего сталкера.

– Ты предлагаешь и мне сплясать с тобой? – буркнул Шершень.

– Что значит спляс... – замахал руками Плюх, но понял, что и впрямь ведет себя глупо, и сказал уже, насколько смог, спокойно: – Надо же что-то делать... Нужно искать Блямса!

– Вот это уже деловой разговор.

– Только надо не разговаривать, а делать!

– Что именно?

– Искать! – снова взмахнул руками косморазведчик.

– Может, сначала подумаем где? А еще... – Тут Шершень замялся, а затем продолжил неуверенно и тихо: – Только без обид, харэ?..

– Что? Что без обид? Говори, если начал!

– Его точно надо искать? Может, он сам убежал. Свободы захотелось или сородичей почувал, так-на.

– Каких еще сородичей?.. – недоуменно заморгал Плюх. – Он ведь не с этой планеты.

– Я уже говорил: в Зоне водятся похожие на твоего Блямса монстры. Мы их называем «богомолы». Единственное, чем они отличаются от твоего «кузнечика» – это цвет. Блямс яркий, будто и правда кузнечик, а здешние твари темно-зеленые, в густой растительности не сразу и увидишь. И не дай бог попасть им в лапы – разорвут пополам и вместе с костями схрумкают. Без изысков.

– Ты меня утешил... – пробормотал разведчик, но тут же затряс головой: – Нет-нет! Блямсик не пошел бы к ним... И ты ведь сам говорил, что монстры близко к границе Зоны не подходят.

– Ну... – развел руками сталкер. – Всякое бывает. Но ты еще не сказал, мог он просто так уйти? Любую домашнюю зверушку нет-нет да и тянет свободы понюхать.

– Блямс не зверушка! – возмущенно выкрикнул Плюх. – Он мой друг! И он не настолько безмозглый, чтобы среди ночи пойти «нюхать свободу» в незнакомой, да еще и столь опасной местности.

– Ему-то откуда знать, что местность опасная? – хмыкнул Шершень.

– Потому что он не дурак! Он видит и слышит не хуже нас с тобой, а возможно, и лучше. Наши разговоры он тоже слышал...

– Еще скажи, так-на, что он их понимал.

– Да, понимал! Может, не дословно, но общий смысл – наверняка. – Косморазведчик снова потрянул головой и сказал суровым и решительным тоном: – В общем, хватит лясы точить. Давай думать, куда мог деться Блямс. Я могу предположить, что, проснувшись и не увидев рядом меня, он мог пойти меня искать.

– Почему же тогда не нашел? Мы вроде не так уж далеко и ходили.

– Я плохо еще знаю его особенности, – признался Плюх, – но мне кажется, что нюх у Блямса немногим лучше нашего. То есть след по запаху он вряд ли сумеет взять, а следы в лесу, да еще в темноте, тем более не увидит.

– Он мог пойти туда, где вы с ним уже были... – поскреб в затылке Шершень.

– К шлюпке?.. – встрепенулся разведчик.

– Так от нее же ничего не осталось! Что ему там делать? Нет, как вариант возможно, но, я думаю, скорее он пойдет туда, куда вы с ним отсюда мотались.

– К границе «колпака»?.. – удивился Плюх. – Но зачем? Мы ходили туда дважды, и ничего...

– Как бы ты тут ни пел, что друг твой умный-разумный, – прервал его сталкер, – но все-таки мне кажется, что, проснувшись один в чужом темном лесу, он особо не рассуждал, а рванул туда, куда уже ходил с тобой. Да и с чего-то же начинать все равно надо. Вот давай и проверим, что я говорю, так-на. Тем более, это недалеко.

– Хорошо, – согласился косморазведчик. – Только я один пойду, а ты здесь подожди. Вдруг он вернется!

- Ага, а потом мне еще и тебя искать.
- За меня не бойся. Я в шлеме вижу и слышу лучше любых ночных тварей. Так что жди, я быстро.
- Только не ори на весь лес, не хватало, чтобы мы кому-нибудь ранним завтраком стали.

Вернулся Плюх действительно быстро. Получилось, как и в два прошлых раза – шел в одну сторону, вышел к исходной точке. Блямса он не нашел. Да, говоря откровенно, и не надеялся. Что бы ни говорил Шершень, а умный «богомол» даже от испуга не стал бы совершать откровенных глупостей. И разведчику более логичной все же стала казаться собственная версия, что Блямс мог отправиться к месту их вынужденной посадки, потому что это была какая-никакая точка отсчета. Друг мог рассуждать так, что даже если Плюха там не окажется, то пойдет он в первую очередь туда.

Это и озвучил косморазведчик поджидавшему его все на том же сосновом стволе сталкеру.

– Ладно, – поднялся тот. – Пошли туда. Все равно нам к кораблю оттуда будет ловчее чапать.

– Я никуда не пойду без Блямса! – мотнул шлемом Плюх.

– То есть поселишься здесь? – язвительно осведомился Шершень.

– Ты хочешь сказать, что мы его не найдем?..

– Я хочу сказать, что к кораблю хоть с ним, хоть без него, тебе все равно придется возвращаться, так-на. Мы не маленькие дети, чтобы не понимать...

– Чего не понимать? – подтолкнул замолчавшего сталкера разведчик. – Что Блямса сожрала какая-нибудь тварь? Та, что орала, как чайка?..

– Возможно, сожрала, – кивнул Шершень. – Но скорее всего нет. Здесь нет ни останков, ни даже капельки крови.

– Откуда ты... – начал Плюх, но тут же понял, что ночное зрение ему ни к чему – в лесу рассвело. Он свернул шлем и уже с помощью обычного зрения осмотрел место ночлега. Крови или чего-то еще более страшного там и впрямь не было.

– Всё, идем, – махнул ему рукой и отправился к выходу из леса сталкер.

– Сейчас, – отозвался разведчик, снимая с бедра бластер.

Шершень невольно попятился, но Плюх даже не посмотрел в его сторону. Он, выставив минимальную мощность луча, выжег на белом стволе сосны стилизованную под стрелу звезду – символ Космической разведки, такой же, что красовался на рукаве его скафандра. Острие выжженной стрелы показывало в сторону выхода из леса.

– Если Блямс вернется сюда, он поймет, куда мы пошли, – пояснил косморазведчик.

– Конечно поймет, – закивал сталкер. – А как же! Теперь-то чего не понять – ясно даже и ежу.

Еще издали стало понятно, что никого возле оставшейся после взрыва шлюпки воронки не было. Тем не менее, разведчик со сталкером дошли до самого ее края и заглянули внутрь.

– Ёшки-блошки! – стукнул кулаком о ладонь Плюх. – Что же теперь делать?..

– Идти к кораблю, так-на, – буркнул Шершень. – А не хочешь, тогда...

– Что тогда?

– Прощевай тогда. И так я с вами времени потерял вон сколько. А мне жить на что-то надо, артефакты собирать. Жрать, между прочим, уже хочется.

Есть хотелось и Плюху, но думать о еде, когда неизвестно, какой сейчас опасности подвергается друг, он не мог. Однако сталкера он тоже прекрасно понимал: в самом деле, тот не обязан с ним нянчиться, у него свои дела-заботы.

– Ладно, – выдавил косморазведчик, – давай тогда прощаться. Спасибо тебе за все, – протянул он ладонь.

– Что-то ваше спасибо не булькает, – не подавая руки, проворчал Шершень.

– Как это?.. – опустил ладонь Плюх.

– А никак. – Сталкер окинул угрюмым взглядом разведчика и сказал: – Короче, говорю последний раз: или вместе идем к кораблю, или делай, что хочешь. Один.

– Но... – завертел головой, в дикой надежде увидеть «богомолу», Плюх. – погоди, Шершень, погоди...

– А чего годить-то?

– Может, он еще придет сюда...

– Тьфу, связался я с вами! – сплюнул Шершень. – Хрен с тобой, даю один час. Я ведь так и не спал, так что покемарю пока вон за камешком, но как только проснусь – уйду. Или вместе с тобой к кораблю, или один – куда мне надо.

Сказав это, сталкер отправился к тому камню, за которым недавно все они прятались от осколков. Растерянный разведчик остался на месте. Надежда, что Блямс придет сюда в течение часа, стремительно таяла, но и улететь из этой проклятой Зоны без друга он все равно не мог. А помощи ждать было попросту неоткуда. Как было бы хорошо, если бы рядом сейчас оказался кто-нибудь из наставников академии – спокойный, рассудительный, умный... Стоп! Умный?.. Но ведь в Зоне имеются заведомо умные люди! Собственно, к ним-то, до того как исчез Блямс, он и собирался идти!

– Шершень! – крикнул разведчик подходившему к валуну сталкеру. – Я пойду с тобой через час. Но не к кораблю, а к ученым.

– Опять он за старое!.. – послышалось из-за камня. А потом оттуда донеслось радостное: – Так-на! Вот это ништяк!

– Что? Блямсик там?! – в несколько прыжков долетел до валуна Плюх.

Однако своего желто-зеленого друга он там не увидел. За камнем на корточках сидел Шершень и прижимал к себе грязный, защитного цвета мешок с ляжками.

– Эх!.. – разочарованно выдохнул косморазведчик.

– Никакой это тебе не «эх», а мой рюкзак! – с ликованием завопил в ответ сталкер. – Я хоть пожру сейчас! Мы, в смысле... Если не побрезгуешь.

Он расстегнул рюкзак и принялся рыться внутри, приговаривая: «Ого! И «латунчики» здесь!» или «Тушенки могли и побольше оставить...»

Плюх, занятый в первую очередь мыслями о Блямсе, не обратил на эти причитания внимания. Да и сам Шершень быстро примолк, а потом стал вытаскивать и раскладывать на траве предметы, назначение не всех из которых было понятно косморазведчику. Какой-то серо-бурый ком с почти квадратным основанием в полупрозрачном мятом пакетице, невысокий металлический цилиндр с бумажной полоской на мятом боку... Если это еда, то страшно подумать, какая. А вот это понятней – прозрачная, судя по всему пластиковая емкость с бесцветной жидкостью – неужто с водой?.. Разведчик, попытавшись сглотнуть сухим горлом, только сейчас понял, насколько сильно он хочет пить. А вот и алюминиевая на вид ложка... Неужели?! Таковую древность Плюх видел только в музее. Из той же «музейной» серии и овальная, в чехле из защитного цвета материи, фляга. Тоже вода?..

Косморазведчик не вытерпел и подошел ближе.

– Это... вода?.. – пробормотал он, злясь на себя за несдержанность. – Дай, пожалуйста, плотненько, в горле совсем пересохло.

– Сейчас плотнем, – весело отозвался Шершень. – И не только воды. Давай, подсаживайся.

Плюх опустил на траву рядом со сталкером. Чтобы как-то отогнать навязчивое желание схватить емкость с водой и пить-пить-пить, он, пока Шершень нарезал серо-бурый ком на продолговатые ломтики, спросил, отведя жадный взгляд в сторону:

– А как он здесь очутился, твой рюкзак?

– А он и не очутился! – гоготнул сталкер. – Как я его положил, так и лежал, меня дожидался.

– Когда ты его положил?

– Ну, тогда и положил, когда мы тут с вами от взрыва спасались.

– Что-то я не помню, чтобы он здесь был раньше... – засомневался косморазведчик.

– А ты вообще много что тогда помнил? – поднял на него взгляд Шершень. – Ты ж обалдевший был, словно только из мамы вылез. Я и сам-то от себя охреневаю: рюкзак со жрачкой и патронами забыл! Во как на меня встреча с вами подействовала. Ну и «перепутка», конечно... «Перепутка» даже в первую очередь, думаю. Мозги-то она мне знатно повывтрясла, так-на.

– Что еще за «перепутка»? – нахмурился Плюх.

– А я не рассказывал разве? Аномалия это. Как раз перед встречей с вами я в ней покуройкался. Хорошо, она меня краем зацепила, а то бы...

– Но рюкзака я все равно не помню, – помотал головой разведчик.

– Ну и не помни, – пожал плечами сталкер и хохотнул: – Считаю, что он здесь вырос, пока нас не было. Артефакт такой, типа. Только мы его «контактерам» сдавать не будем, если ты не возражаешь.

– Я не возражаю, – продолжал хмуриться Плюх, – но...

– Если не возражаешь, то ешь давай! И нечего «нокать». Наверное я свой рюкзак от чужого могу отличить!..

Спорить разведчик больше не стал. Он был почти убежден, что в прошлый раз рюкзака здесь не было. И все-таки не наверняка, а всего лишь «почти». В самом деле, тогда он был настолько выбит из колеи произошедшим, что вполне мог упустить из внимания какой-то там грязный линялый мешок. Да и Шершню какой смысл врать? Другое дело, если бы он хотел спрятать продукты, чтобы не делиться с ним весьма скудными припасами, но сейчас-то все происходило с точностью до наоборот... Кстати, да! Все могло быть именно так: увидев незнакомцев, Шершень мог спрятать рюкзак, засыпав его камнями и щебнем. Он ведь тогда еще не знал, кто они такие и чего от них можно ожидать. А теперь, когда понял, что никто его грабить не собирается, сделал вид, что нашел случайно потерянное. Да, скорее всего, именно так все и было. Поверить в то, что такой человек, как Шершень, мог просто так забыть жизненно важную для него вещь, оказалось для Плюха очень трудной задачей, однако разоблачать сталкера он не собирался. К тому же, есть и пить хотелось уже так, что заниматься подобными глупостями казалось совершенно неуместным.

Плюх только занес руку над серо-бурыми ломтиками, которые по словам Шершню являлись не чем иным, как обыкновенным хлебом (в реальности Плюха хлеб и формой, и цветом отличался и выглядел куда аппетитнее), как откуда-то из-за каменного валуна послышался негромкий щелчок.

Сталкер тут же схватился за винтовку.

– Нет-нет! – вскочил косморазведчик. – Это, наверное, Блямс!

Он дернулся было, чтобы выглянуть за камень, но Шершень схватил его за руку:

– Тихо ты, так-на! Бластер готовь! Это Зона, а не бульвар Монпарнас.

– Но там же... – начал Плюх, однако продолжать не стал, понимая, что сталкер абсолютно прав.

Стало даже обидно: его, космического разведчика, выпускника академии, учит элементарным вещам малообразованный бродяга. От этих мыслей Плюху сделалось очень стыдно как за свою беспечность, так и за подобные мысли о Шершне. Не зная человека, так о нем думать!.. Малообразованный... Да может он Сорбонну окончил, недаром же о Монпарнасе вспомнил. А что бродяга – так не по своей же воле. И вообще... Судить о человеке лишь по его речи и одежде – это для разведчика не ошибка даже, а полное служебное несоответствие! Нет, нужно срочно брать себя в руки. И все-таки, что же там щелкнуло?..

– Извини, – аккуратно освободил руку косморазведчик. – И спасибо за напоминание. Я буду внимателен и осторожен.

Плюх снял с бедра бластер, выставил среднюю мощность и выглянул из-за камня.

– Ничего, – вполголоса прокомментировал он.

– Хреново, – отозвался сталкер.

– Конечно... хреново. Я думал, это Блямсик пришел, а тут...

Щелкнуло снова. На сей раз более отчетливо. Разведчик активировал шлем. Просканировал лежащую впереди местность в различных диапазонах, но кроме каменистой пустоши с воронкой на месте крушения шлюпки ничего не обнаружил.

Так может, звук идет из воронки? Может, Блямс свалился туда и не может выбраться?

Снова забыв об осторожности, Плюх вышел из-за камня и направился к воронке. Бластер он, впрочем, все-таки держал наготове.

– Не торопись! – взволнованно крикнул вслед Шершень.

Разведчик чуть сбавил шаг. И тут раздался новый щелчок, на сей раз совсем близко, шагах в пяти от него. Но там ничего не было! Серая почва, несколько серых же камней – самый крупный с кулак величиной – и все. Ни травинки, ни былинки, ни жучка, ни червячка.

Щелк-щелк!..

Ну вот опять. Ёшки-блошки... Да нет, блошек тоже не видать. Плюх задал десятикратное увеличение, но и впрямь не увидел в подозрительном месте даже пресловутых блошек.

Щелк-щелк-щелк!

Щелчки стали звучать чаще, громче и даже будто призывнее. В самом деле, Плюха словно потянуло туда, откуда доносились странные звуки. Любопытство пересилило, или...

– Стой на месте! – крикнул уже прямо из-за спины сталкер.

Но было уже поздно. Косморазведчик шагнул туда, где находился невидимый источник щелчков. Его тут же окутало раскаленным красно-оранжевым маревом. Будь Плюх без шлема, голова его быстро превратилась бы в обугленный череп, а то и вовсе рассыпалась бы, не выдержав столь высокой температуры. Датчики скафандра показывали две тысячи градусов Цельсия. Температура в доменной печи! Разведчик знал, что скафандр способен выдержать втрое большую температуру, чем на поверхности Солнца, но время пребывания в столь экстремальных условиях не превышало пяти минут. Сейчас, в таком случае, можно было рассчитывать минут на пятнадцать. Или нет?.. Линеина ли зависимость прочности скафандра от температуры? Этого Плюх не помнил. Или даже не знал изначально – сейчас мысли бурлили в голове, будто мозги и впрямь начали закипать. Что следует предпринять, он также не имел ни малейшего представления. Попробовал шагнуть – нога наткнулась на твердую преграду. Повел вокруг рукой и убедился, что находится словно внутри узкого, диаметром около метра, цилиндра. Или, что еще точнее, огненного столба. Плюх вспомнил, что до сих пор сжимает в руке бластер. Бластер!.. Он-то вряд ли выдержит подобную температуру даже пару минут. Затем он взорвется. А взрыв бластера, да еще в замкнутом пространстве... Косморазведчик не знал наверняка, но был уверен, что шестью тысячами градусов

тут уже не обойдется. А тогда... Совершенно ясно было, что тогда. Как там в любимой старой детской книжке?.. «Прощай, любимая береза! Прощай, дорогая сосна!»⁴

Плюху невольно захотелось отбросить бластер подальше. Только куда его тут отбросишь? Все равно упадет под ноги. А где после его взрыва образуется отверстие – в штанине, на груди, на рукаве – какая разница? Все равно от него самого останется лишь уголек в несгораемой оболочке.

Вместо жалости к себе любимому накатила вдруг такая злость!.. Косморазведчик! Выпускник академии! «Малообразованный бродяга» сколько раз говорил тебе: это Зона, это Зона, это Зона!.. Так нет же, не хватило ни ума, ни хотя бы капли благоразумия, чтобы выслушать знающего, опытного человека!.. Мне все нипочем, я образованный, я у-у-ууумный! Вот и жарься теперь, умный, словно курица на гриле. Так тебе, упрямой бестолочи, и надо! Жаль, что уроком тебе полученный опыт уже не станет.

Неистовое пламя продолжало гудеть в цилиндре. Красивое, ослепительно-яркое, оранжевое, как новогодний мандарин. Плюх даже почувствовал его вкус и вспомнил елку, большую, шикарную, под стать настоящим лесным красавицам. Да-да, вот такую же зеленую, как этот огненный завиток... Что?.. Почему пламя сверху стало зеленым? И это кажется, или гудение и впрямь стало тише, а сам поток огня не столь равномерным?

Действительно, бушующий внутри цилиндра огонь стал вдруг отчетливо менять цвет. Его языки становились то зелеными, то голубыми, то пропадали местами вовсе. В одном из таких кратковременных разрывов разведчик успел разглядеть злобно-сосредоточенное лицо Шершня. Затем, когда разрывы стали более частыми и широкими, Плюх увидел, что сталкер совершает какие-то странные прыжки вокруг цилиндра. Исполняет пляску смерти? Может, у местных в порядке вещей прощаться таким образом с покойниками?.. Но он-то еще не покойник! И у Шершня в руке вовсе не шаманский бубен, а знакомая фляга в матерчатом чехле. И сталкер трясет ею не просто так, он поливает ее содержимым цилиндр!

Плюх невольно протянул к Шершню руку. И рука легко прошла сквозь невидимые границы цилиндра! Разведчик рванулся вперед и уперся в огненную стену... Впрочем, нет, уперлись ноги и грудь, а вот выше... Выше была свобода!

Плюх протянул вторую руку и наконец-то избавился от бластера, отшвырнув его как можно дальше.

– Давай-давай, вылезай! – завопил, увидев это, Шершень. – У меня спирт кончился, сейчас она снова восстановится!

Разведчик уперся ладонями в неустойчивые, плавающие края цилиндра, подпрыгнул и кувырнулся вперед. Ощувив наконец свободу, он быстро-быстро пополз в сторону, даже не попытавшись от охватившей сознание ошалелости встать на ноги. Когда опасность осталась метрах в десяти позади, Плюх растянулся на земле лицом вниз и, кажется, заплакал. Во всяком случае, когда он все-таки поднял голову, то увидел перед собой расплывшееся, как при взгляде из-под воды, хмурое лицо сталкера.

– Будешь должен, – буркнул тот. – И за то, что жизнь тебе спас, и за пол-литра спиртяги. Чистого, так-на, девяносто шесть градусов, такой хрен где достанешь.

– На корабле есть спирт, – пробормотал косморазведчик. – Много. Литров пятьсот.

– Ну вы и пить! – воодушевился Шершень. Он хотел хлопнуть Плюха по плечу, но резко отдернул руку. – Ух ты, горячий какой! погоди, не шевелись, я на тебе тушенку разогрею.

---

⁴ Николай Носов «Незнайка на Луне».

Глава 6

В целом Шершень был доволен: почти все шло по плану. Разве что едва не разрушил эти планы «солярий» – одна из опаснейших аномалий, выбраться из которой живыми вышло считанным единицам, да и то эти «счастливики» вскоре умирали от полученных ожогов или милосердия друзей. Первым же и пока единственным по-настоящему спасшимся стал Плюх. Благодаря суперскафандру и, в первую очередь, действиям самого Шершня. Спирт, конечно, жалко, но потеря косморазведчика оказалась бы куда трагичнее.

Трапезничать пришлось, что называется, «насухую». Ну, может и к лучшему – расслабляться хорошо в конце дела, а тут все еще только начиналось. Правда, слегка подлечить нервы после стресса с «Солярием» не мешало бы, конечно, обоим. Вон как Плюх дергается, до сих пор в себя не пришел.

– Ты ешь давай, ешь, – не вытерпел Шершень. – Чего хлеб теребишь, раскрошил весь... Продуктов и так мало.

– Хлеб!.. – буркнул разведчик. – Разве это хлеб? Вот у нас...

– А мы сейчас не у вас, так-на! И хавай, что дают. Скоро и этого не станет.

– На корабле много продуктов.

– Тебя послушать, твой корабль – прямо склад всего на свете. Море спиртяги, горы жратвы и несколько тысяч паровых машин⁵... Но даже если так, до того корабля еще дойти нужно.

– Паровых машин нет, у корабля иной принцип действия. А идти до него всего-то восемьдесят километров.

– Всего-то? – вскипел сталкер. – А ты забыл, Карлсон жареный, что это Зона, а не Елисейские Поля? Ты, вон, и километра не протопал, а в «солярий» загреметь успел. Если бы не я...

– Ну сколько можно-то?! – отбросил Плюх на импровизированный стол мятый кусок хлеба. – Я ведь тебя уже поблагодарил. И не специально же я в этот «солярий» залез! Ты ведь тоже не знал, что там такое щелкает.

– Не знал, – согласился Шершень. – Обычно «солярий» перед активацией скрипит, как дверь несмазанная. Иногда трещит, будто ветки ломают. И всегда, зараза такая, тянет подойти ближе, посмотреть, что же это такое.

– Вот и меня потянуло, – признался косморазведчик. – Но как ты узнал, что «солярий» боится спирта?

– Это не я узнал. Правила Зоны, как и уставы в армии, пишутся кровью. Сначала погибли все, кого угораздило попасть в эту чертову аномалию. Угли одни оставались, а чаще – зола да пепел. Но как-то сталкер один спасся, Бутылек. Пьяница был знатный, все приговаривал: «Вот бутылек приму, и...» Артефакты только на бухло менял, непонятно, чем и питался, так-на. Короче, этот Бутылек из «Солярия» живым выпал. Обгоревшим подчистую, без глаз, ушей, пальцев и... прочего, но живым. Ребята его пожалели, конечно, пристрелили. Но сам факт!.. А у сталкеров насчет того, что жизнь спасти может, соображалка хорошо работает. Туда-сюда покумекали и решили, что не иначе как проспиртованность Бутылька спасла, он ведь трезвым-то никогда не был. И пару-тройку «бутыльков» всегда в рюкзаке носил. Без изысков. В общем, после того случая многие стали флягу со спиртом наготове держать, под рукой, чтобы, если что, – сразу... Ну и вскоре Либону случай предоставился, земля ему, как говорится, пухом. Попал в «Солярий», флягу успел снять, колпачок свинтить.

---

⁵ «У меня там, наверху, несколько тысяч паровых машин» – фраза из повести Астрид Линдгрэн «Карлсон, который живет на крыше».

Брызгал уже вслепую, глаза сразу от жара лопнули. Ну да что там смотреть – сам знаешь... Выкарабкался, в общем, Либон, сумел напарникам прошамкать насчет фляги, но тоже пристрелить попросил, все равно не жилец был, со стопроцентным ожогом-то, так-на. Ну и еще два-три случая были. Вот оттуда и узнал я. И вовремя вспомнил. Понял теперь?

Побледневший разведчик кивнул.

Доедали молча. Когда Шершень убирал остатки в рюкзак, в очередной раз удивился доброте своих подельников. Подбросили рюкзак, не тронули запас «латунчиков», только тушенки поубавили – оставили всего пару банок. Ну, это, видать, в счет наказания за «крысятничество». А все остальное, если подумать, совсем не из жалости, зря он и удивляется. Просто и ежу понятно, а Бизону и остальным тем более, что без жрачки и без патронов в Зоне долго не протянешь. А дело-то у них опять общее, причем он, Шершень, играет в нем далеко не последнюю роль. Правда, могли бы с рюкзаком этим что-нибудь и поумнее придумать, а то ведь Плюх так до конца и не поверил, что в прошлый раз его просто не заметил.

– А ведь Блямс тоже мог в такой вот «солярий» попасть? – спросил вдруг косморазведчик.

– Мог, – не стал скрывать очевидного сталкер. – И в «солярий», и в еще какую угодно холеру в крапинку. Так что я бы на твоём месте не стал очень уж на встречу с ним надеяться.

– Да как ты можешь так спокойно об этом говорить? – подскочил Плюх. – Это же мой друг! Друг! Понимаешь?.. Пошли скорей к ученым – может, они его видели, или подскажут чего.

– Где его могли твои ученые видеть? – тоже поднялся на ноги Шершень. – Я же тебе говорил: они не могут дальше ста метров от своей лабы отойти, а то и еще меньше. Уж если кто его и мог видеть, то сталкеры... – Он хотел добавить, что в этом случае «кузнечика» наверняка бы подстрелили, но благоразумно промолчал. Тем более, он и так знал, что могло случиться с Блямсом. Ну, с небольшими вариациями.

– Пойдем тогда искать сталкеров! – вскинулся разведчик.

– Вот ты опять как глухарь безмозглый. Сто раз тебе говорено, что сталкеры в Зоне не друзья-товарищи, а соперники и враги. Тех, кто не начнет в тебя стрелять, как только увидит, – раз-два, и обчелся.

– Пойдем искать этих «раз-два»! – не унимался Плюх. – Пока я не найду Блямсика, живого или... мертвого, я к кораблю не пойду.

– Вот ведь напасть на мою голову, так-на! – сплюнул Шершень и сделал вид, что задумался. На самом деле нужный план действий он разработал с подельниками еще ночью. Поэтому, выждав пару минут, он неуверенно выдал: – Разве что...

– Ёшки-блошки! – запрыгал вокруг него косморазведчик. – Говори скорей!

– Есть у меня на примете пара-тройка ребят, с которыми я иногда поддерживаю связь, – с глубокомысленной задумчивостью проговорил сталкер. – Если они еще живы, и если сейчас не сильно заняты, я бы мог попробовать с ними связаться и порасспрашивать... Шансов, сам понимаешь, мало, но вдруг кто что видел-слышал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.